

Детектив Фантастика

Юрген Байконур

АРХИВ

I

Морское танго

Троль

Архив

Часть 1

Троль, Морское танго

1

Троль

Будучи знакомым с Иваном Смагиным несколько лет, я только последнее время стал понимать, почему он гордится своей фамилией. Не из дворян, не благородный кровей, не из потомственных небожителей — чем, казалось бы, здесь гордиться? На эту тему мы напрямую никогда не говорили, лишь косвенно касались несколько раз. И как-то недавно он внёс ясность, сказав: будущее — это прошлое, помноженное на настоящее. Можно прошлое возвеличивать, можно умять. При любом раскладе результат будет искажённым. А кому оно нужно — искажённое будущее? «Мне — нет, — пояснил Иван, потому и отношусь к прошлому бережно, объективно, уважительно, с гордостью. И к фамилии своей — так же».

Честно говоря, я посчитал эту краткую концепцию весьма туманной и даже, не скрою, несколько банальной. И отметил при этом про себя, что рассуждения такого рода вообще не могут быть свойственны кризис-менеджеру — человеку, как мне казалось, острого ума, аналитических способностей и неординарных креативных возможностей. Однако от моих оценок мало что зависело.

Да, по поводу кризис-менеджера. Им как раз и являлся мой добрый приятель Иван Смагин. При этом надо отметить, это словосочетание он не любил. Кризис, говорил он, включает в себе опасность и надежду. Опасность следует локализовать и изучить: может, и в ней есть какой прок. А вот надежде надо новые крылья пришить. И в процессе этом иголка — железная воля управленца, а нитка — ясное понимание реформ, хотя бы в общих чертах, всеми участниками процесса. Как бы то ни было, получалось у него неплохо — и в плане консультаций, и в плане исполнения краткосрочных контрактов по оздоровлению тех или иных проектов. И в этом я ему слегка завидовал. Не успехам, нет. А тому факту, что временами он полностью уходил в работу, а временами откровенно бездельничал и даже скучал. Вот эта вторая составляющая прельщала меня своим бесспорным комфортом. Полагаю, что не только меня.

В такие благодатные для всякого рода творческих полётов периоды Иван приглашал меня в свою уютную квартирку, где каждый новый год начинал с грандиозных преобразовательских планов — с дум о ремонте. Годы шли, но небрежно набросанный карандашом на ксероксной бумаге проект пылился где-то среди сваленных в творческом беспорядке книг. Я, конечно, принимал приглашение. Иван от избытка чувств практически

втаскивал меня из прихожей в комнату, усаживал в большое и очень любимое мной кресло и в очередной раз начинал меня уговаривать, как правило, по трём направлениям. Первое — поехать всё-таки на Байкал. Второе — плюнуть на всё и отправиться на рыбалку. Третье — помочь ему разобрать небольшой архив его прадеда, с которым он якобы уже давно и упорно возится, пролил семь потов, и так далее. Первое было из области мечты. Второе — хоть сейчас, рыбалка для меня приложение к дружбе с природой. А вот последнее вызывало у меня сложное чувство: разобрать это историческое наследие, конечно, желательно, но дальше что? Возни много, а выхлопа — никакого.

Иван именовал своё сокровище не иначе, как «Архив Смагина». Действительно, он время от времени извлекал из довольно объёмного сундука, тоже исторического наследия, не менее объёмные папки, раскладывал их на полу, вытирал пыль, листал, шептал, чертыхался, что-то рассматривал в огромную лупу... Не скажу, что эта кропотливая работа доставляла ему большое удовольствие, но душа его заметно теплела, глаза загорались, и сам он двигался в этот период на животворной волне. Я тоже иногда с его позволения на неё подсаживался. Странное чувство, поверьте, поселяется и в сердце, и в душе, когда пытаешься оживить события, случившиеся давно, далеко и не с нами. Чувство трепетное, тревожное и влекущее возможностью повторения.

Я не раз предлагал сделать архив достоянием широкого читателя: мол, именно так можно осветить нашим литературным талантом некоторые небезынтересные дела минувших дней, а заодно и немного прославить и прадеда, и фамилию. Казалось бы, что проще? Однако Иван даже обсуждал эту тему неохотно. Разобрать, систематизировать — это одно. А вот составить из бессвязных служебных записок, плохо сохранившихся рапортов, распоряжений и даже доносов общую картину, представляющую интерес для массового читателя, — это совершенно другое, считал он.

Я понимал его сомнения, ибо сам не был уверен, что эта задумка может вылиться во что-то удобоваримое. Но одно дело понимать, другое — соглашаться. Я понимал, но не соглашался. Иван жил своей сложной, имею основания заверить, интересной и содержательной жизнью. Он не испытывал недостатка в эмоциях, в том числе — порождаемых экстримом. В таких случаях говорят: фигура самодостаточная. И вот у таких фигур, как мне подсказали не однодневные наблюдения, начисто отсутствует склонность к активному взаимодействию с окружающей средой, в нашем случае — с социумом.

Я не могу сказать, что Иван имел явные признаки эгоиста или эгоцентриста. Нет, конечно. Однако он полагал, что, если он смог наполнить свою жизнь достойным и не скучным содержанием, то и любой другой может без особого труда сделать то же самое. Отсюда следовал вывод: вряд ли какие-то архивные записки или описание его личных переживаний или приключений может кого-либо интересовать. Иван полагал, что у всех окружающих его людей проблем, переживаний, а главное — занятости и так хватает. В этом он, конечно, был не прав. Я придерживался другой

точки зрения: бытовая суета, безусловно, затягивает в болото повседневности, но это вовсе не означает, что человек навсегда теряет глаза, жаждущие увидеть, уши, жаждущие услышать... Потребность в необычном, тайном, сказочном остаётся всегда. И потому не все усилия, направленные на удовлетворение этой потребности, тщетны. Иван меня слушал, согласно кивал головой, недовольно бурчал.

Со временем наступил перелом, и вызван он был событиями увлекательными, непростыми, порой страшными. И я даже затрудняюсь сказать, что стало движителем создания предлагаемых читателю записок: или упомянутый архив, или сами эти события. А раз однозначного ответа нет, то и пришлось объединить эти два временных пласта, и словосочетание «Архив Смагина» приобрело более широкое значение.

Иван согласился с таким подходом. И даже загорелся идеей. Но ненадолго. Он назидательно намекнул, что отрывочный лапидарный стиль архива надо бы оживить и, может даже, домыслить, дорисовать. А современную часть «архива» завуалировать, свести к основным штрихам — без деталей, которые очевидны, без изрядно всем надоевших подробностей. Словом, дал расплывчатые ЦУ и... пропал.

Нет, нет, он не пропал, так сказать, вообще, физически. Он просто погрузился в очередное порученное ему дело, опять бросился кого-то спасать. Я предположил, этот «кто-то» был очередной основательно подсевший на казино романтик-капиталист, однажды рано утром проснувшийся и увидевший в зеркале банкрота; такое отражение его не устроило, ему стало стыдно, он решил начать жить, если не сначала, то хотя бы с места удачного старта к финансовому олимпу; Иван согласился ему в этом помочь. Возможно, я ошибался в своих предположениях, но был прав в главном — приступить к работе придётся в гордом одиночестве. В общем и кратко — тогда всё и завертелось.

2

Морское танго

Москва. Кремль.

Во исполнение решения Совнаркома

от 15 марта 1921 года организовать

Управление режимных расследований (УРР).

Руководство отделом поручить

тов. Смагину Андрею Викторовичу.

Архив Смагина.

УРР. Дело 11.5.22. «Морское танго»

Эту историю можно называть детективной, жуткой, романтической, неправдоподобной. Кому как нравится. И ни один выбор не будет несправедливым — все эти эпитеты в полной мере могут быть отнесены к тем

далёким событиям 1922 года. Вернее, события начались раньше, и насколько раньше, сказать теперь затруднительно. Фрагмент этих событий и связанных с ними различных — от реальных до фантастических — версий получил развитие в пятидесятые годы прошлого века, позднее и даже в настоящем. Но — лишь фрагмент. Архив Смагина содержит информацию, имеющее прямое отношение к деятельности УРР, документы охватывают конкретные действия сотрудников управления тем далёким летом.

Итак, начнём с известного рассказа Всеволода Иванова «Змий». В мае 1952 года писатель наблюдал в районе Карадага неизвестное животное, крупное, возможно, очень опасное, напоминающее издалека огромную, если не сказать гигантскую, змею. Странное существо замечали другие жители Коктебеля и окрестностей, их рассказы трудно объяснить только лишь выдумками, оптическими и другими иллюзиями или розыгрышами. Всеволод Иванов поделился весьма впечатлившим его наблюдением с вдовой Максимилиана Волошина Марией. Её заинтересовала столь странная встреча, но сказать, что она была рассказом писателя поражена, будет преувеличением.

Легенда о карадагском змее уже тогда была не новой, и последний эпизод лишь дополнял копилку мрачноватых рассказов, слухов и воспоминаний. Мария Волошина поведала писателю: в 1921 году было много разговоров о некоем «гаде», которого неоднократно наблюдали местные жители. По прошествии многих лет Мария не могла вспомнить, где именно и в каком виде предстал перед жителями побережья зловерный гад. Было ли отмечено его присутствие в море, был ли он замечен на суше? Связано ли его пребывание в этом благодатном крае с человеческими или какими-то другими жертвами?

Означенные вопросы в 1952 году уже не имели ответа, тем более, не имеются они сейчас, хотя, надо отметить: обилие интернетовских и печатных материалов на эту тему склоняет к морской версии. Но вариант пребывания таинственного гада на суше тоже имеет под собой основание. И вот почему. В 1921 году феодосийская газета сообщила своим читателям: на побережье в районе Карадага был направлен отряд красноармейцев с целью «изловить гада». Эту заметку вырезал Максимилиан Волошин и направил её Михаилу Булгакову. Есть предположение, что именно эта заметка подтолкнула Булгакова написать «Роковые яйца». Так это или нет, судить трудно, но сам факт отправки пехотных красноармейцев на охоту, позволяет предположить, что земная версия существования карадагского змея также имеет право на жизнь.

Остаётся только добавить, что в ходе беседы с Всеволодом Ивановым Мария Волошина, вспоминая события тридцатилетней давности, обращалась пару раз за помощью к крепкому мужичку средних лет, который помогал ей во дворе по хозяйству. Он согласно кивал: мол, было дело, именно так оно и было...

Вот именно этот мужичок, а тогда двенадцатилетний мальчуган Кирилл, в июне 1922 года помогал своему деду Михаилу разгружать лодку после рыбалки. Вёсла, черпак, холщовая сумка, уже пустая бутылка и

наконец большая корзина с рыбой. Камбала, кефаль, большой ёрш-красавец...

— Вот он, зараза, уколет — с неделю будет огнём гореть, — предостерёг дед Кирюху.

Мальчик молча кивнул, снисходительно вздохнул: он уж и не мог сказать, в который раз слышал это предупреждение и все подходящие ему советы.

— Я его ножичком остреньким, осторожно, — выдавил он из себя.

Дед бросил взгляд в сторону моря. Вдалеке плыла лодка. Солнце, отражавшееся в воде, слепило глаза, расстояние не ближе — в ней слабо просматривались фигурки двух, может, трёх человек.

— Чужаки. Повадились. Может, опять наука? До неё сейчас? — проворчал дед Михаил. — Иль беглые какие? Иль до яшмы, да других камений любители?

Лодка быстро скрылась за скалой. Море — тихое, слабый прибой. До берега донёсся приглушённый расстоянием всплеск, неясные крики. Дед и мальчик прислушались. Тихо — только шум моря.

«Никак кричали, деда?» — спросил Кирилл и тут же подумал: может чайки — души погибших моряков. О таком эпитете он как-то прочитал в книжке, не помнил, в какой. Сравнение ему не понравилось — надоедливые они, крикливые, прожорливые. Возможно, речь шла об океанских чайках, им не виденных. Океан большой, там штормы, огромные корабли, волны в двадцать саженей, не меньше. И ещё там есть «ревушие сороковые» широты. Кирилл отметил их расположение на старенькой карте, считал расстояние — далеко. Там, в Океане, всё может быть...

— Далёко. Может, и кричали. Шумные. Повадились тут.

Дед с тревогой посмотрел на мальчика.

— Ты смотри, осторожней в скалах. Не приведи господь...

Мальчик кивнул, улыбнулся: он уже большой и, как себя вести и в море, и на суше, и в скалах, он давно знает. Дед и сам должен это понимать — не раз видел содранные в кровь коленки, пару раз вытаскивал из ладони внука рыбацкие крючки. Мальчик прекрасно плавал, нырял, без особых усилий мог за считанные минуты набрать с полведра рапанов — знал места и их координатами делился неохотно. А что касается мидий, так эту охоту Кирилл даже считал за себя зазорной — проще не бывает. Кирилл попробовал корзину на вес:

— О! И гостям, и нам хватит.

— Всем хватит. И гостям, — задумчиво с нескрываемым недовольством произнёс дед. — Сегодня гости — завтра хозяева. Кто их знает.

— Говорят, они из ЧК? — спросил мальчик.

— Много говорят. Может, и из ЧК. Время такое. Сегодня ЧК, а завтра...

Дед вздохнул.

— А лодку ты им дашь? — спросил Кирилл.

— Спросят — дам.

Дед взвалил вёсла на плечо, подхватил одну ручку корзины, Кирилл быстро схватил черпак, сумку и взялся за вторую ручку. Подняли добычу, тронулись. Дед оглянулся, окинул взглядом море, покачал головой. Яркие солнечные лучи, отражавшиеся от воды, больно ударили в глаза, он отвернулся, хотелось смахнуть пот со лба, но руки были заняты. Дед Михаил ранее не замечал порой охватывающей его сиюминутной беспомощности. В последнее время она стала его раздражать и вызывала лёгкие приступы грусти.

3

Троль

Иван любил рыбалку. Я — не очень, ну, только если за компанию. А кому нужен такой компаньон, который «не очень»? Поэтому в этот, далеко не первый, раз Иван поехал на озеро Весёленькое самостоятельно. Добыча — не богатая, но развеяться получилось: отдохнул и от работы, и от дурацких телефонных звонков. Именно дурацких.

Поясняю. Вечером, перед выездом, в квартире Ивана зазвонил городской телефон, звонил долго и настойчиво. То, что ожил стационарный аппарат, событие само по себе из ряда вон выходящее, так как Иван пользовался им крайне редко, никому номер не давал и даже собрался вообще от этого вида связи отказаться. Но главное — содержание. Некий крайне взволнованный гражданин поинтересовался, действительно ли он говорит с господином Смагиным. На что Иван, естественно, ответил утвердительно. Затем диалог выглядел следующим образом. Привожу его один к одному, дабы картина была полной, плюс к этому разговор характеризует манеру общения моего друга.

— Вы действительно Смагин? (собеседник взволновал, близок к истерике).

— Повторяю, да, это я.

— Вы не могли бы назвать имя, отчество?

— Кто вы и зачем вам это?

— Долго рассказывать. Поверьте, это в ваших интересах.

— Смагин Иван Юрьевич.

— Господи, так оно и есть.

— Вы что, ещё и с господом разговариваете?

— Нет, нет, это так, к слову... Вам угрожает опасность!

— Нам всем постоянно угрожают опасности, даже когда мы их не замечаем...

— Поверьте, мне не до шуток. Я прошу вас: будьте осторожны! Более я ничего не могу вам объяснить, ничего. Я не хочу, я не хотел бы... считаю своим долгом вас предупредить...

— В чём она заключается эта ваша опасность? Что я должен сделать?

— Не могу объяснить, будьте осторожны, осмотритесь, прошу вас, умоляю, если хотите...

— Уверю вас, буду осторожен, впрочем, как и всегда.

— Сейчас — это не всегда. Я рад, извините, я должен был...

Трубку положили.

Ну, что мог сделать после такого странного и тревожного случая мой друг Иван Смагин? Конечно — поехать на рыбалку. Озеро крупное, ловить в стоячей воде на поплавок — бесспорное удовольствие. Карась брал лениво, но терпение и сноровка дали свой результат.

Иван был в рыбалке ярко выраженным половинчатым консерватором. Снасти, катушки, шнуры, лески и прочие прелести рыбацкого оснащения он буквально отслеживал в специализированных магазинах и, если появлялась новинка, достойная его внимания, она тут же пополняла его арсенал. Что касается всякого рода продвинутых привад, наживок, то здесь Иван был непреклонен и руководствовался «дедовскими» методами. «Все эти ароматизаторы и прочую химию» он упрямо не признавал, ими не пользовался и называл маркетинговым шулерством. Состав его прикормки — хлебные сухари, жареные подсолнечные семечки, мелённые на кофеварке, жмых. Насадка — червь, опарыш, тесто, приготовленное по мудрёным и постоянно обновляющимся рецептам. И ни шагу в сторону. Что ж — это его право.

Иван знал, что этот водоём пользовался недоброй славой. И отдельные люди здесь тонули, и лодка деревянная прогулочная как-то оказалась непонятным образом на дне, вместе с пассажирами. Поговаривали даже, что живёт в этом озере неизвестное злое животное, в любой момент готовое напасть на отдыхающих. Действительно, в осеннюю слякоть озеро выглядело мрачно, даже зловеще. Хотя надо признать, что и другие водоёмы выглядят при таком освещении не лучше. Что касается лета, то в это время и красиво, и удобно, и счастье рыбацкое стороной не обходит. Поэтому весь позитив Иван связывал непосредственно с озером. Ну, а негатив — с чрезмерным пьянством и скудной фантазией отдыхающих и местных жителей.

И на этот раз тот факт, что добыча была небогатой, впечатление не омрачил. Иван не был добытчиком, рыбалка — это отдых и где-то даже медитация, полагал он. А вот задержка в пути поначалу вызвала чувство

лёгкой досады. Иван выехал в деревню ранним утром, почти ночью. На участке загородного шоссе, коим следовал Иван, произошла авария.

В неглубоком кювете лежал разбитый автомобиль, хозяин которого, предположительно, ехал на дачу. Бездыханное тело пострадавшего увезли. На дороге — несколько зевак-водителей, их машины, мешающие ожившему к утру движению. По сторонам дороги — поля, справа, если следовать из города, красовался ряд рекламных щитов. Двигатель прогресса явно не вписывался в ландшафт. Возможно, так было задумано — игра на контрасте, на парадоксах визуального восприятия.

Свидетелей нет. На взгляд человека, не в первый раз ставшего вольным или невольным участником такого печального казуса, количество служителей фемиды, пребывавших и в форме, и в штатском, было несколько чрезмерным, такому банальному случаю не подобающим. Это Ивана не могло не заинтересовать. Иван обладал поразительной способностью быть незамечаемым. Я уж не знаю, как ему это удавалось. Он мог без труда пройти почти на любой охраняемый объект, попасть в высокий кабинет, не встретив лобовой атаки секретарши или широкоплечего референта, получить аудиенцию небожителя, сделав краткий предварительный звонок. Какими ходами, приёмами и волшебными словами он пользовался, я не знаю, но всё получалось. Воспользовался он этим своим качеством и на этот раз.

В сторонке — немолодой крупный мужчина в штатском — ну, точно киношный генерал — строго беседовал с подполковником. Последний слегка недоумевал:

— Я понимаю — шестой случай. Но ночь, скорость, водитель без пассажиров, внимание притупляется...

— Вопрос не в том — сколько. Вопрос в том — как.

— Место — сами видите. Техническое состояние — экспертиза покажет, — без особого энтузиазма комментировал происшествие подполковник.

— Она уже показала, по предыдущим случаям, что технически исправные машины летят на обочину как... Как заколдованные. И все — покойники.

Подполковник мнётся: что тут скажешь? Молчит, пытаясь изобразить руками неопределённость своей точки зрения по обсуждаемому вопросу. Начальник внимательно следит за руками, ни разгадки, ни подсказки в манипуляциях не видит. Он сбавляет громкость:

— Понимаю, понимаю. Только не понимаю, почему все пострадавшие — одиночки.

И вновь к нему обращается недоумённый взгляд подполковника. И тогда шеф поясняет:

— Все пострадавшие ехали в единственном числе. Теперь понятно?

Подполковник силится осмыслить сказанное и неуверенно говорит:

— При такой скорости — оно и к лучшему. Если б не один, смело умножай на два, на три, а то и... Не дай, бог.

—Так-то оно так. Но не так...

Подполковник замолчал, решил переждать. Начальник опять допустил неопределённость:

— Стал бы я сюда приезжать...

Подполковник подумал и, видимо, решил, что медлить с оценкой происходящего больше нельзя:

—Вот и я думаю... Гибель людей — конечно, ЧП. Но — бьются каждый день. —

— И то верно — каждый день, — ответил начальник и обвёл взглядом место происшествия.

Кивнул на рекламные плакаты, спросил:

— А это ещё что? Давно?

— Реклама: народу — товар, казне — доход. С полгода как поставили, освещение подвели. Сейчас наполняют.

— Доход — дело нужное, — с лёгкой усмешкой сказал начальник. — Дорожное покрытие?

— Сухо. И ночью было сухо. А вот в нескольких случаях, в тех, что раньше, дождик шёл. Так что — немудрено...

— Это понятно, — начальник не дал собеседнику закончить мысль и уточнил: — Меня интересует укладка. Укладка покрытия. Может, ямка какая, перекося? Машину заносит, выбрасывает, центробежная составляющая.

— Проверяли. Норма.

— Ещё раз проверьте!

— Будет сделано, — отрапортовал подполковник, нерешительно приблизился к собеседнику и вкрадчиво поинтересовался:

— А что этот, пострадавший, — не из простых?

— Из простых, из сложных — не знаю. Дело это — не из простых. И этих дел... таких вот накопилось... Вот таких, что тяни-тяни — не натянешь, хоть списывай за давностью, хоть засаливай!

Закончив диалог таким замысловатым способом, начальник повернулся и пошёл к служебной машине. Подполковник проводил его тревожным взглядом. Начальник, садясь в машину, ясности не прибавил и лишь коротко бросил:

— Занимайтесь!

И машина укатила.

Иван решил, что более он ничего интересного не увидит, не услышит, сел в автомобиль и продолжил путь.

Прошедшая ночь была почти бессонной, и по прибытии домой он собрался часок-другой поспать, иначе весь день насмарку — в голове сумбур, в глазах туман. Разумное решение. И только мой друг собрался его реализовать, произошло то, чего он в глубине души ожидал: зазвонил городской телефон. Или неумный шутник или сумасшедший, подумал Иван, вспомнив странный вчерашний разговор. И оказался прав. Незнакомый опять вежливо, как показалось Ивану, заплетающимся языком уточнил фамильные данные Ивана и истерически предупредил об опасности. Забавное перестало быть забавным. Розыгрыш — слишком тупо. Запугивание — ещё тупее, и нет оснований. Ошибка? Но человек же уточняет фамилию, имя. Бред какой-то.

Иван походил по комнате, побросал самодельные дротики в самодельную мишень, пару раз промахнулся и повредил и так уже изрядно обитую штукатурку, покурил, что он делал весьма редко — по настроению, подумал. Ничего не понятно.

4

Морское танго

Смагин Андрей Викторович.

Год рождения 1895.

Начальник управления РР.

Служит в управлении

со дня основания.

Смагин сидел на перевернутом ведре в тени небольшого, сложенного из природного камня сарая. Он выглядел старше своих лет, как и многие молодые люди, выдернутые из обыденной мирной жизни и поставленные в условия, в которых принцип «лучше быть победителем, чем побеждённым» приобрёл самый что ни на есть нериторический смысл. Андрей Смагин вспомнил предшествующий его новому назначению разговор с товарищем Листером, который к его удивлению, не только не попрекнул его непролетарским происхождением, но даже сделал позитивный упор на этом факте. «Средняя интеллигенция также ощущала на себе гнёт самодержавной косности и не могла с максимальной отдачей физических и умственных сил служить своей стране, реализовать себя в полной мере, — сказал тогда Отто Листер. — А теперь пришло время выложиться на полную — так, как того требует новое время!» На слове «новое» он сделал мощное ударение и выжидающе посмотрел на Смагина. «Страховская мужская гимназия — солидное заведение, это и много, и мало. Смотря с чем соотносить. Соотносите с необходимостью в кратчайшие сроки построить мощное государство, где никто не будет обделён. Вы меня понимаете?» — продолжил Листер.

Понимаю, ещё как понимаю, подумал Смагин и передвинул ведро поглубже в тень. Он отметил одну странную деталь. Неоднократные попытки погрузиться в воспоминания заканчивались неудачей. Он пытался мысленно пройти по московским улицам тех лет. По Садово-Спасской, где находилась гимназия, по полюбившимся Мясницкой, Лубянской, Никольской... И не получалось. Ему казалось, что это всё было настолько давно и теперь скрыто так далеко, что его разум не в состоянии преодолеть это время и расстояние. Революция, гражданская война настолько спрессовали жизненное содержание, что стена, выстроенная из этого концентрированного материала, закрывала путь к прошлому.

Ну, а по поводу «много-мало», конечно прав товарищ Листер, подумал Смагин, — учиться надо! Но — как и когда? Он всерьёз подумывал об институте красной профессуры и даже решился. Однако был включён в особую петроградскую группу, ориентированную на обезвреживание Леньки Пантелеева. Банда действовала дерзко, не без браводы. Её «подвиги» обрастали слухами, и даже упоминание о ней вызывало панический страх обывателей. Особая группа несколько раз выстраивала хитро-сплетённые ловушки — бандиты их обходили. Это невозможно было объяснить везением или чутьём — банду предупреждали. К такому выводу пришёл Смагин. И ещё его смутил тот факт, что банда не грабила государственные учреждения, только нэпманов. В народе это вызывало немое одобрение, это понятно. Но почему они не грабили? Там тоже хватало, чем поживиться. Возможно, банда управлялась внешним источником, и этот источник был близок к государству — это был второй вывод. Своими соображениями Смагин поделился с начальством. Затем состоялась беседа с товарищем Листером, и вот теперь он здесь, на солнышке. А его бывшая группа тщетно пытается обезвредить банду Леонида Пантелкина — такова настоящая фамилия главаря...

Смагин услышал голоса приближающихся рыбаков, встал, поправил выцветшую гимнастёрку и вышел им навстречу. Подхватил ручку корзины, что держал мальчик, чему Кирилл явно не препятствовал.

— Знатный улов, я такого никогда и не видел, — с искренним восхищением сказал Смагин, не видевший морского улова ни разу в жизни, с интересом рассматривая содержимое корзины.

— Раз на раз не приходится. Бывало и лучше. А бывало... Всякое бывало...

Занесли корзину в домишко — женщинам есть, чем заниматься. Мальчуган разложил в тени инвентарь. Смагин осторожно, но настойчиво взял деда под локоть и увёл в сторонку. Дед не возражал и был полон внимания. Но сразу разговор не состоялся. Дед с досадой похлопал себя по карманам и вернулся в дом. Быстро возвратился, в руках кисет и обрывок газеты. Скрутил самокрутку, задымил. Видно, в домике, когда заносили корзину, Смагин задал старому рыбаку какой-то вопрос и слова деда Михаила были ответом:

— А что людей-то пугать? Люди, они сюда из Феодосии, кто как может, добираются. Двадцать вёрст по такой дороге... А до Феодосии... Лучше

и не думать. Любят они это место, душой стремятся. Большие люди, сам знаешь. Зачем их, людей таких знатных, пугать-то? Сказки эти давно здесь сказывают.

— Пугать никого и не надо. Не за этим мы здесь. Посмотрим, разберёмся. Где выдумка, где быть, — сказал Смагин, посмотрел по сторонам, глянул на солнце, зажмурился, чихнул, махнул рукой и продолжил: — Чудные у вас места, здесь без сказок никак нельзя. Всё — как в сказке.

— У нас тут в прошлом годе зверь объявился. Скот пропадал, рожки да ножки только и находили. Людей пугал. Дракон, говорили. Верить — не верить? Гад, словом. Солдат присылало начальство. Ловили. По берегу искали. Не уж-то он и воде, и посуху обитает?

— Кто он? — с хитрецей спросил Смагин.

— Гад этот. Кто ж ещё? — выпуская густую струю дыма, сказал дед.

— Как знать, как знать. Задача! — Смагин нагнулся к деду, принялся. — И табак хорош!

— Конь недавно пропал. Добрый, рабочий.

— Беда. Животное в хозяйстве нужное. Поговаривают, чужаки здесь.

— Имеются такие. Но не балуют.

— Не балуют — это уже хорошо, — оптимистично заявил Смагин. — А скажи мне, дядь Михаил, как мне с большими людьми, что отдыхают здесь, свидеться?

— Ну, это просто, проще нет. Не любят, они, правда, когда беспокоят их. Провожу, если надо. Иль дорогу укажу. Писатели, художники, чудной народ. Интересный. В доме Волошиных они собираются.

5

Троль

С очередным заказом Иван разделался быстро — буквально за несколько дней. Пригласил меня в гости «на чаек». При встрече подробностями не делился, из чего я сделал вывод — пустяки, рутина. И Иван подтвердил: там кризиса не было, просто разгильдяйство и безграмотность; кризис-менеджер там не нужен, там нужен оптимизатор. Я не думаю, что между двумя этими туманными терминами, определяющими не менее туманные функции, есть большая разница, мне кажется, они по своей сути идентичны. Но, если Ивану нравится такое разделение, пусть будет так.

Иван восседал в своём любимом кресле. Я в своём и тоже любимом. Иван курил редко — баловался. На этот раз он неумело раскурил сигару и пытался пускать кольца. Я не эстет, попросил «затянуться», он великодушно позволил. Лицом я изобразил что-то вроде «умеют же люди», а подумал: что немцу в радость, то русскому человеку смерть. Вслух комментировать не стал. А вот кофе, приготовленный Иваном по очередному

известному только ему рецепту, я искренне оценил, как всегда, на отлично.

Признаюсь, я не лишён любопытства и в вялотекущем разговоре дипломатично заострил внимание на странных телефонных звонках — должна же история получить хоть какое-то продолжение. На это Иван отреагировал по-философски: на свете есть много чудес, мой добрый приятель Игорь Горациевич... Ясно с ним, в общем. Но не верил я ему: не такой он человек, чтобы пройти мимо такого казуса. Думаю, что всерьёз он звонки не воспринял, иначе бы сразу попытался раскрутить этот маленький ребус. Но заинтересовался и занял выжидательную позицию. Может, ждал третьей выходки от таинственного незнакомца?

Когда я пытаюсь изложить позицию Ивана по тому или иному вопросу, то почти всегда говорю в предположительной манере. Это не случайно. Не скрою: я иногда плохо понимаю своего друга. Общее направление его мыслей, жизненную позицию я улавливаю и в основном разделяю, но говорить о каком-то родстве душ, волшебном сходстве мнений по любому вопросу я не могу.

Иван — он странный, прошлое его окутано туманом. Он не говорит — я не спрашиваю: всему своё время. Иногда я пытался вытянуть из него сокровенное, но на моём пути тут же ставился заслон из иронии и дурашливых приколов. Мы как-то ехали на его машине по окраинной улице Ленина. И я в продолжение плавно завязавшегося разговора о личном спросил его о Глебе, его старом приятеле: как познакомились, когда... Иван посмотрел на меня, словно я посягнул на принадлежащую только ему святыню, сменил настрой и понёс.

«Не понимаю, — сказал он, — мы сейчас едем по живописной улице с судьбоносным названием. История словно замерла. А где улицы под названием «третья демократическая» или «тупик империалистический»? И почему, — он строго посмотрел на меня, — левые всегда говорят: «наше дело — правое»? В то время как их дело — левое? Они что — со следа сбивают?»

Затем он предложил дать название перекрёстку. Дело в том, что улица Ленина пересекала под прямым углом улицу Плеханова. Вот эту дорожную конфигурацию Иван и хотел назвать «краеугольником» — точкой соприкосновения и борьбы двух философских и политических тенденций. Добавил при этом, что, возможно именно этой борьбой и был обусловлен псевдоним, совершенно неверно связываемый с известным ленинским расстрелом. Намного раньше этого печального события Плеханов именовал себя в газетных публикациях Волгиным и, возможно, этим надумил пролетарского вождя ассоциировать себя с могучей сибирской рекой. Болтал он ещё довольно долго и не по существу. В общем, ушёл от ответа. И так — неоднократно.

Прошло несколько дней — тишина. В это время я имел возможность серьёзно покопаться в архиве и отобрал несколько интересных, на мой взгляд, дел. Сказать «интересных» мало. Я был удивлён крайне: не верилось, что в те далёкие времена нашлись люди, способные создать службу,

хоть и маломощную, призванную раскручивать проблематику, совершенно не вписывающуюся в тот ритм и формат жизни. И был удивлён дважды, если не сказать поражён, по той причине, что даже не подозревал о фактах, вполне заслуживающих и обнародования, и обсуждения, и изучения, и понимания, и даже честного признания: они, эти факты, в некоторой части своей пока нами не понимаемы.

Тревожный звонок в конце концов состоялся. Но звонил не таинственный незнакомец Ивану, а Иван мне.

— Ерунда какая-то, в голове не укладывается, — сообщил мне мой приятель, — лодка, целый катер, утонула...

Я вообще-то привык к его манере вести разговор, но ни отрывочные воспоминания недавних бесед, ни попытка запустить фантазию не помогли: я ничего не понял. И только после наводящих вопросов и доходящих до грубости реплик кое-что уяснил. На любимом ивановом озере исчезла лодка, притом с пассажирами. Ушла и не пришла. Лодка-то полбеда, но вот люди. Там того озера-то... Естественно, я задался вопросом: а причём здесь Иван? Выяснилось, что среди исчезнувших пассажиров был хозяин дома, где Иван иногда оставлял машину. Они были немного дружны, частенько и не без взаимного интереса общались. Печальную эту новость он узнал от хозяйки, которую вдовой называть не спешил. Пропала — это ещё ничего не значит. Рыбаки могли загулять, пошутить, мало ли, что они ещё могли. Как бы то ни было, взволнован Иван был, если не чрезвычайно, то чрезмерно.

Я отметил про себя: Иван что-то не договаривает. Не мог трагический случай, притом окончательно не известно, что это за случай, настолько выбить его из колеи. Поэтому, когда мы, переговорив по телефону, встретились, я был решителен. Если ранее я проявлял немалую дипломатичность и великодушно ему прощал всякого рода недомолвки, то на этот раз занял наступательную позицию и буквально потребовал объяснений: в конце концов, друг он мне или нет? Представляете, сработало.

Иван опять вспомнил тот факт, что озеро пользовалось дурной славой. Должен признать, что это воспоминание меня немного разозлило, ибо относился Иван к этой «славе» иронично. Но мой конфликтный запал быстро остыл, так как Иван не стал нагонять туман и рассказал мне о случае, с ним происшедшем, о котором он ранее умолчал.

Дело было так. Иван приехал на озеро вечером, позднее, чем рассчитывал. Задержали дела, и первоначальный план рыбалки, включающий в себя вечернюю зорьку, рухнул. Рухнул — так рухнул. Иван установил свою маленькую палатку, развёл небольшой костерок и без всякого ущерба для душевного состояния скоротал ночь. Да и какая летом ночь? Ранним утром он вышел «в открытое море» на надувной лодке. Место ловли было намечено заранее, к нему он и следовал. Утренние сумерки искажали дневную действительность, виды открывались причудливые. Вдалеке призывали к новому дню петухи, какая-то птичка, возможно, сойка, резкими истеричными выкриками шевелила нервы. В общем, утро как утро.

Грёб Иван, не спеша, к месту добирался минут десять. Нашёл свои родимые полавки, закреплённые ещё месяц назад, привязался, бросил прикормку и решил немного подождать — для заброса удочек было темновато. Скорее всего, он на мгновение задремал. Именно на мгновение. Такое бывает. И вот в это мгновение и произошло нечто, приведшее к тому, что лодка набрала приличное количество воды. Иван уловил движение, но, что произошло, не понял. Сознание восстановило картину, и получалось, что лодка сильно качнулась, резко. Но несильно повернулась — её удержали натянутые якорные верёвки, и зачерпнула воду, словно какая-то мощная сила надавила на борт сверху или потянула его снизу. Результат — полно воды и очень даже неприятный осадок в душе и где-то даже в пятках.

Пока вычерпывал воду, несмотря на внезапно нахлынувшее паршивое самочувствие, Иван пытался осознать происшедшее, но ни одной дельной мысли в голову не пришло. Дальнейшее развитие событий полностью соответствовало его характеру — отсидел зорьку, наловил карасей и голавлей, отвязался и покинул место ловли. Что ещё? Почти ничего. Ну, для полноты картины — глубина в этом месте около четырёх метров. Паршивое самочувствие по всей вероятности было вызвано недосыпанием и волнением, неразрывно связанным с кровавым давлением, и это не удивительно. Я, естественно, поинтересовался: почему эта незабавная история была от меня скрыта. Иван пояснил: именно по той причине, что никаких мыслей по этому поводу в его голове не родилось. Единственное, что пришло в голову: лодка в прохладной утренней воде остыла, плавать снизилась, он задремал, неловко повернулся и опёрся, например, локтем на борт... Но это объяснение Ивану серьёзным не представлялось. А зачем пудрить мозги товарищу, если самому ничего не ясно, добавил он. И вот теперь, пояснил Иван, тот случай вспомнился. Как бы то ни было, придётся съездить и в деревню, и на озеро. Придётся, значит, вперёд. Я не смог составить Ивану компании по причине занятости.

К вечеру Иван позвонил. Довольно подробно описал происшедшее, тем более, что я на озере бывал и потому картину событий дорисовывал и своими собственными наблюдениями и впечатлениями. Лодку нашли, пассажиров тоже. Нашли — на дне. Все погибли. Глубина порядка трёх с половиной метров. Судя по тому, что утонувшие были найдены рядом с лодкой, то спастись никто не пытался или не имел возможности. Получалось, что лодка с рыбками пошла ко дну мгновенно или они были не в состоянии бороться за свою жизнь. Насчёт состояния покажет экспертиза. Но в целом картина удручающая. Я был удивлён, так как где-то в глубине души полагал, что ребята просто, так сказать, увлеклись отдыхом. Спокойное озеро, надёжная лодка, три взрослых человека... Не понятно. И страшненько.

Перезвонил Иван уже утром, из дома, поздним утром, очень поздним. Оказалось, случилась ещё одна неприятность — бытовая. Пока Иван находился на берегу, кто-то копался в его небрежно брошенных вещах — пропал пакет с завтраком и блокнот. Блокнот новый, записей там немного, но важные. Поговорил с местными, сообщили: объявился недавно на озере какой-то мужичок странный. Где живёт, неизвестно, но бродит по

берегу, людей сторонится, если кого завидит вблизи, неуклюже прячется; точно не установлено — не ловили, но есть подозрения, что именно он приворовывает еду, рыбу, спички и прочее рыбацкое богатство. Или бомж, или сумасшедший, или разочаровавшийся в цивилизации и устройстве Вселенной мыслитель, или и то, и другое, и третье вместе взятые.

— И опять авария, — сообщил по телефону Иван. Естественно, опять в своём стиле.

— Почему опять и какая авария? — стараясь не психовать, спросил я.

— Я же рассказывал... На том же участке, примерно в то же время — авария. Машина разбита, пассажир в коме, тяжёлый. Дорога ровная сухая.

— Значит, не судьба, не повезло! — так я среагировал и затем спросил: — А что поздно звонишь? Проспал?

— Ошибаешься, дружище — недоспал. С утра я к ребятам некоторым съездил и кое-что уточнил по этим двум случаям.

— Каким двум случаям? — я начал закипать.

— По этим — двум, — доходчиво пояснил Иван, и лишь немного подумав, внёс ясность: — По этим двум авариям. Так вот вторая из этих двух, она на самом деле не вторая, а уже седьмая. Понимаешь? А та, которая первая, она же шестая, это та, о которой я тебе уже рассказывал.

Хорошо, что Иван был далеко, я бы его убил. Аварии, лодки, утопленники, архив и черноморские драконы — это уже перебор. Я мужественно молчал.

— Так вот та, первая, которая шестая, интересна тем, что водитель за мгновение перед аварией с кем-то разговаривал. Это кто-то находился в машине. Понимаешь?

— Иван, я убью тебя! — таким был мой ответ.

Иван помолчал. А я подумал: боже, и этот человек работает кризис-менеджером. Он же запутает любого запутавшегося так, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не распутается. По логике вещей я был прав. Но реальные факты говорили о другом — за спиной у Ивана были вполне ощутимые и серьёзные победы. Определение «ощутимые» я использовал не зря, так как благодаря именно этим победам, мне удавалось в трудные времена неплохо у него кредитоваться и уверенно прерывать падение в самую глубокую пропасть, которая, как известно, финансовая. Моя реплика подействовала.

«Понял, поясняю» — сменил тон Иван. Меня это обрадовало. Однако он тут же добавил: «Поясняю для бестолковых». Я, конечно, с таким эпитетом было не согласен, но промолчал: в конце концов, мы друзья.

— Аварий на этом участке произошло семь, включая ту, свидетелем последствий которой я стал сегодня ранним утром. Понятно? Все семь произошли на ровном участке дороги, в хорошую погоду, ночью или ранним утром. Все водители ехали без пассажиров. Во всяком случае, они, пассажиры, не обнаружены. Понятно? Но шестая имеет отличия. Водитель незадолго до аварии разговаривал по мобильному телефону с родственником. И этот родственник утверждает: водитель общался с пассажиром, разговор шёл на повышенных тонах, возможно ссорился. Понятно?

— Теперь всё понятно, — сказал я, — не понятно только, какой тебе интерес до всего этого? Ты здесь причём?

— Как? — удивился Иван. — Случаи из ряда вон выходящие. А ты меня спрашиваешь «причём». Копать надо, батенька, копать. Что-то здесь нечисто!

— Возможно, — высказал я своё ёмкое мнение, — возможно, и нечисто. Но мы же архивом планировали позаниматься...

— Архивом? Надо, конечно, надо. Я так понимаю, ты приступил?

— Да.

— Вот и умничка — не буду тебе мешать, столько дел. Пока. Отзвонюсь.

Что я здесь могу сказать? Очень милое содержательное общение, а главное — продуктивное. Что-то мне всё это стало надоедать. И тут мне в голову пришла идея: не пора ли и мне вмешаться во всю эту историю? Ответ на этот вопрос недолго висел в воздухе.

6

Морское танго

Сеулин Михаил Афанасьевич.

Год рождения 1898.

Сотрудник управления
режимных исследований.

Служит в отделе со дня основания.

Сикорских Мария Александровна.

1900 года рождения.

Сотрудник управления
режимных исследований.

Служит в отделе со дня основания.

Михаил Сеулин был восхищён морем, но скрывал свои чувства. Он смотрел на него и не верил, что судьба так неожиданно и по-доброму рас-

порядилась его детской мечтой. Он не знал, как закончится это его невольное приключение, не думал, как долго он будет пребывать на этом ласковом берегу — не хотелось заглядывать вперёд. Первые дни пребывания в Крыму наполнили его душу тайной и безграничной радостью, казалось, что этого запаса светлых эмоций хватит, чтобы преодолеть любой, даже самый печальный итог расследования. Это — в худшем случае. Лучший случай Сеулин представлял себе с трудом, он лишь рисовал себе образ небольшой честной победы, которая непременно должна увенчать деятельность группы.

Грязь, голод, кровь, смерть — всё это не исчезло, но здесь — померкло, куда-то ушло, оставило, замерло. Добирались из Москвы шесть дней, условия — не ахти, и на финише такой контраст. Утром, после жаркой и беспокойной ночи, Михаил выглянул в окно поезда и чуть не задохнулся от охвативших его одновременно восторженных и противоречивых чувств. Сеулин не знал — да и как он мог знать? — особенность Феодосии: здесь железнодорожный вокзал расположен у самого моря, и первое, что видят мгновенное забывающие дискомфорт и тяготы пути приехавшие — пляж, бухта, морская даль, чайки... Это всё появляется одновременно и неожиданно — есть от чего растеряться.

Затем был путь в посёлок, близкие горы и дальний лес. Такие виды вполне бы обогатили образы блистательных героев Жюль Верна, Майн Рида... Это рай? Есть он, нет его — вопрос спорный и не актуальный, полагал Сеулин. Но если он есть, пусть он будет таким. Не хватит пальцев на руках и на ногах, чтобы посчитать, сколько раз он сам, Мария, товарищ Смагин и многие, многие другие, оказавшиеся по эту сторону баррикад, могли покинуть этот мир. Кто мгновенно, даже не поняв, что произошло, кто после тяжёлой болезни и лазаретовских мучений, кто — садистскими усилиями безумного палача, не ведающего, как правило, что творит. И почему «по эту сторону баррикад»? А как же другие — выбравшие сознательно или невольно ту сторону? Где их рай и ад? Неужели и после смерти «мы» и «они» будем разделены?

Михаил редко предавался таким мыслям и не пытался им противостоять: как найдёт, так и уйдёт. Но об этом тоже надо думать. Говорить — нежелательно, но думать надо. Это только наивным людям кажется, рассуждал он, что гигантская мясорубка остановилась, и все великие задуманные преобразования дадутся лёгкой ценой. Одна система ценностей, пусть большей частью ложных, разрушена, другая ещё не создана. Промежуточные состояния общественных систем всегда опасны. И не только общественных — любых, в физике точка росы, например. Уже не пар, но ещё и не вода. Управление такими промежуточными состояниями — задача всегда сложная и неблагодарная. А когда картина ясная, тогда и решения принимать легче, и результат просматривается. Вот и мы вносим ясность, разгоняем туман, закрашиваем белые пятна. И здесь, на этом берегу, со спутницей-красавицей тоже разгоняем и закрашиваем...

Вода — тёплая, зовёт, успокаивает. Миша, выказывая явную неловкость, снял рубаху. Тело белое — не загорел ещё, жилистое, на левом

плече шрам, на рёбрах справа шрам, левая рука прострелена. Мария посмотрела на него и отвела глаза. В платье полегче — морской воздух нежно холодит.

— Маша, можешь искупаться, — смущённо сказал Сеулин, — я от-вернусь, а то и вообще убегу, вон туда — за камни. — Обернулся, указал рукой в сторону камней. Что-то его насторожило, он прищурился, прикрыл глаза ладонью от солнца. Вроде, среди камней промелькнуло что-то. При-смотрелся — нет, ничего.

— Море! Когда ещё доведётся, — попытался он надавить.

— В следующий раз — непременно.

Мария присела на большой камень. Михаил осторожно пристроился рядом. Как тут не волноваться! Он слегка и осторожно обнял Марию. Она — словно не заметила, посмотрела бездумно вдаль, помрачнела.

— Миша, а если бы не война? Море было бы таким же?

— Море — таким же. Мы — другими.

Мария глянула на руку Сеулина, лежащую на плече, задумчиво ска-зала:

— Другими. Ты бы был студентом. Нет, уже не студентом.

— Учителем, — сказал Сеулин. — В прибрежном посёлке, как этот. Математика, физика, механика... я бы так старался. Я благодарен моим учителям, и как было бы хорошо, если бы обо мне кто-то через годы вот так вспомнил... А ты? Врач — профессия достойная...

— Для этого годы нужны, длинные и непростые — медицина наука серьёзная. Они так летят. Мне уже двадцать два... Не знаю... Мне иногда кажется, что меня бы вообще не было. Или был бы где-то далеко другой человек. Со смешными косичками. Похожий на меня, но совсем другой. Война убивает и тех, кто остаётся в живых.

Она склонила голову и слегка прижалась щекой к руке собесед-ника.

— Ты понимаешь, Миша? Я не могу. Я ничего не могу. Ничего. Я хочу искупаться и не могу. Я хочу сделать что-то большое, огромное. И не могу. Я стараюсь прилежно выполнять всё, что мне поручается, я стремлюсь внести посильный вклад в большое общее дело. Но я ничего не могу при-думать сама...

— Понимаю, — сказал Сеулин.

Он склонился к Маше и прочёл стихи:

И пыль далёких тех дорог

Он смыть пытался в водах Ганга.

Пытался. И, увы, не мог.

И вот зовёт морское танго...

Маша удивилась, помолчала и повторила: «И вот зовёт морское танго...»

Она аккуратно отстранилась от Сеулина.

— Непокойно что-то на душе. Мне всё время кажется, что за нами кто-то наблюдает. Там в камнях кто-то есть.

Михаил окинул взглядом прибрежные камни и неопределённо пожал плечами:

— Мне тоже показалось. Мало ли. Не одни же мы на всём этом берегу. Рыбаки, приезжие. Даже авиаторы. Они, кстати, там! — он указал рукой в сторону палящего солнца. — На горе. Сходим? Я недавно был в авиационном техникуме, однокашник пригласил. Там такое строят... Из ничего — хочешь верь, хочешь нет! — лепят лётные машины — фанера, ткань, проволока... Планер — не самолёт, но со временем эти игрушки превратятся в грозные боевые машины, пассажирские летающие автомобили. Говорят, скоро вместо техникума будет военно-воздушная академия! Шаги — семимильные! Это только начало. А скоро — в один перелёт до Владивостока! Веришь?

— Верю, верю, Миша, как тебе не верить. До Владивостока? А до Америки? До Северного полюса?

— Долетят! Без сомнения. Сейчас это кружки, добровольные общества, прожекты порой смешные. А откуда руки и головы золотые возьмутся? Отсюда — из этого массового увлечения. Гении воздухоплавания просто так на пустом месте не рождаются.

— Тогда и до неба... до космоса рукой подать? — с оживлением и лёгкой иронией спросила Мария.

— И до космоса! Пойми, Маша, технически, расчетно все эти задачи решаются. Значит, и практически мы можем — к звёздам. Конечно, кадры нужны — научные, технические, рабочие. Нужны материалы — новые, прочные, лёгкие. А откуда этому всему взяться, если не верить и не пытаться? Вот планеристы и закладывают...

Что «закладывают» Михаил не пояснил. Он рассмеялся, и громко сказал:

— Вот он «кто-то» !

Мария вздрогнула и посмотрела в сторону, куда указывал Сеулин.

Вдоль моря брела лошадь — без седла, взнузданная. На парочку, сидящую на камне, — ноль внимания.

— Конь... И вчера что-то говорили...

— Это не конь, это лошадь, — поправила Мария.

Сеулин смутился, предложил:

— Может, поймем, отведём в посёлок?

— Попробуй, пехота, — с вызовом отреагировала Мария.

Сеулин неуверенно двинулся вслед за лошадью. Та ускорила шаг, он — тоже. Миша попытался прибавить, лошадь — тоже. На камнях особо не разбежишься. Мария негромко снисходительно рассмеялась. Лошадь оглядывалась, косила и не подпускала. Сеулин с досадой махнул рукой, возвратился к Марии. Вывод его был краток:

— Ему бы хлеба. Согласен — пехота.

— Ей, Миша, ей. Погуляет и вернётся — дом рядом.

Лошадь скрылась за камнями. Сеулин чувствовал себя неловко: и идиллия одиночества нарушена, и эта неудача с конём, с лошадью этой. Он не потерял мысль и хотел продолжить свой рассказ о воздухоплавании. И вдруг — громкое тревожное ржание.

Маша и Михаил прислушались. Лошадь опять заржала, уже ближе. Через мгновение она выскочила из-за камней и почти галопом промчалась мимо оторопевших наблюдателей.

— Так и ноги не мудрено сломать, напугана она, — с беспокойством сказала Мария.

— Не мы же его...её так напугали.

— Не мы, это там — согласилась Мария и показала рукой в сторону, откуда появилась встревоженная лошадь: — За камнями. Может, волк?

— Откуда здесь волк? Да и есть они здесь вообще?

Сеулин обозначил поиск несуществующей кобуры и бросился к месту возможной опасности. На этот раз он передвигался быстро и уверенно. Большой камень, тень нормальная, не шевелится — пусто. Ещё один камень, тень... Пусто. Ерунда какая-то — здесь и спрятаться-то негде. Тем не менее, тем не менее. Ну и скользко! Дыханье сбилось, но терпимо. Никого и ничего.

7

Троль

Виктор Фабрикант, с точки зрения внешнего наблюдателя, вполне состоявшийся бизнесмен, последнее время занервничал. Опыт, сын ошибок трудных, подсказывал: бывает белая полоса, бывает — чёрная, никто от напасти не гарантирован. В теории всё воспринимается, а вот на деле... Дела резко ухудшились, рабочие неприятности росли, как снежный ком. Позади были взлёты и падения, два бездетных, но ярких брака, немало светлых путешествий и увлекательных приключений, упорная работа, риск, напряжение, поначалу головокружение, а затем большая искренняя радость от успехов, большой со вкусом выстроенный дом... Фамилия способствовала. Теперь — одиночество, равнодушие, опостылевший

замок-сарай, замаячившее вдали банкротство, отсутствие сил и стремления к сопротивлению и, возможно, даже то, о чём пока и подумать было страшно. Фамилия показала реверс.

Но как знать, где полоса чёрная, а где белая. На счёт поступили деньги. Немало. На личный расчётный счёт. Это белая полоса? Нет. Деньги любят ясность и порядок. Поступить-то они поступили, но от кого — не известно. Сюрприз? Виктор был не из тех, кто верил в такого рода сюрпризы. Назначение платежа: оплата urgentных услуг. Отправитель — некий господин Кладов. Формулировка странная, что-то из области медицины. Хотя как посмотреть: из области медицины — это, так сказать, в бытовом смысле, и смысл этот понятен тому, кто прямо или косвенно с такого рода urgentной помощью сталкивался. А если смысл здесь не медицинский? То есть речь идёт о неких срочных услугах. Виктор никакой частной практикой не занимался и, естественно никаких услуг оказывать не мог. Расчётный счёт открыт, и довольно давно, в основном для роялти — всё честно, зачем неприятности с налоговой.

Деньги были нужны — сермяжная правда. Очень нужны! Но тратить-то их нельзя — старая школа — дорогая школа запрещала. Виктор мог подключить свои связи и без особого труда вычислить кредитора. Но интуиция подсказывала: если ошибка, то через день-другой всё выяснится. А вот чуйка кричала: нет, не ошибка это, мой дорогой Виктор, это продолжение неприятностей, и никого ты не вычислишь. Пришёл человек в сберкассу, назвался Кладовым или там Алмазовым и перечислил. В напряжённой борьбе мнений победила чуйка.

Победа эта выразилась в том, что к вечеру Виктор получил по почте на домашний адрес пакет. На роскошной калитке звонков было два — один для посетителей и гостей большого и совсем недавно приветливого дома, второй — в сторонке, возле прорези почтового ящика, понятно, для кого. Прозвенел второй звонок — сигнал специфический. Идти было лень, ждать было нечего. Пришлось заставить себя, вознаграждение за мужество — пакет. Не хотелось открывать, но открыл. Вытряхнул на стол.

Выпало две бумаги. Один документ — на фирменном бланке, серьёзный документ. А именно свидетельство о смерти. Бумага слегка трепетала в трясущихся руках и сообщала, что некий гражданин Кокошин ушёл из жизни совсем недавно, с неделю назад. Кто такой гражданин Кокошин, явно растерявшийся гражданин Фабрикант не знал. Он попытался вспомнить — не получилось. Попытался вспомнить, что было неделю назад, в день смерти означенного гражданина. Туман, сплошной туман. Полистал рабочий календарь, попытался разобраться в корявых записях — туман не рассеялся. На всякий случай крупно пометил дату фломастером — пригодится, может, придётся наводить справки. Взял вторую бумажку — обыкновенный листок ксероксной бумаги, а на нём крупными буквами выведено на принтере: «Хорошая работа!»

Вот такие пассажи иногда случаются в подлунном мире. Менее всего в нём устраивал Виктора тот факт, что являлся участником странной и несколько зловещей истории именно он. К трём затянувшимся и одному свежему судебному разбирательству, двум откровенным наездам бизнес-

партнёров, готовых обратиться за поддержкой к бандитам, растущей тяге к спиртному и вытекающему отсюда иррациональному состоянию души прибавилась ещё одно пока ещё щекотливое, но грозящее перерасти в основательную занозу обстоятельство.

Когда через несколько дней поступил второй платёж с уже известной формулировкой, Виктор не удивился. Сумма — весёлая, но пугала. Без особых эмоций он прореагировал и на доставленный домой пакет. А вот вскрывать не хотелось, очень не хотелось. Но что делать? Опять две бумаги. Одна — свидетельство, подводившее итоги земного пути гражданина Бергера, во всех отношениях Виктору не знакомого. Вторая — такой же, как и в прошлый раз, лист с уже известной фразой «Хорошая работа!» и какими-то пока не понятными буквами и цифрами. Виктор глянул на дату кончины — два дня назад. Это какое число? Понятно. В этот день он напился до неменяемого состояния и домой его доставил водитель. Проснувшись, долго не мог понять: кто, где, зачем и даже за что? Похмелился — вспомнил. Зафиксировал и эту дату — крупно, размашисто. Обвёл, как и предыдущую, синим фломастером.

Виктор хлебнул коньяка и решил: это конец! Конец форменный, бесповоротный и необратимый. Но ведь не может же быть вот так — просто, глупо и настолько непонятно, что и думать не хочется. И всё же рано, решил Виктор, надо разобраться, хотя бы попытаться. Он тупо смотрел на второй листок. Ниже похвалы «за работу» размещалась надпись: «КЛАД 4. 4. 87. 122».

Деньги, поступившие от Кладова, какой-то таинственный «клад» порождали в кипящем мозгу, как ни странно, агонирующий образ надежды — нелепой, надуманной и всё же небеспочвенной. А вдруг? Друг детства, почитатель, человек, который чем-то обязан и внезапно вспомнивший и получивший от судьбы возможность отблагодарить, добрый волшебник... Мало ли что может случиться в этой многосложной жизни? Но не вяжется — коряво как-то. А жизнь сейчас не корявая? А его величество случай разве иногда не решает всё? Решает, решает, но это не тот случай. Причём здесь эти смерти, эти люди. Виктор ещё раз приложился к бутылке — из горла, не до изысков. Посмотрел возраст умерших: первый — 58 лет, второй — 56. Не старики, не старики. Какая здесь связь? Ничего не понятно. Если бы личности уточнить... А что это даст? Полноту картины? Стоп, и всё же — о каком кладе идёт речь?

Вечер, почти ночь, издёрганные нервы, большой дом, пустой двор, дела — швах, большое, но уже не так любимое кресло, третья пачка сигарет за день, коньяк уже не спасает. Виктор выключил свет и подошёл к окну, оно выходило во двор. Если взяли в оборот, значит, следят. Тёмное небо, звёзд не видно, унылый двор, пожухлая неухоженная трава, собственное отражение в окне. Не видно ни шпионов, ни снайперов, ни громил с битами. Никого. И понятно, что их быть и может. Почему понятно, Виктор не мог объяснить даже себе. А что касается посторонних, то пока такие вопросы никто не задавал, и это радовало. Голова ещё соображала: перестал ездить за рулём пьяным; спасает служебная машина и водитель. Он, кстати, судя по поведению, скоро сбежит. Но личная машина — в

гараже, какие удалые мысли могут посетить этой или другой ночью? Может, её как-то сломать безвозвратно? Нет, рано.

Неприятности и довольно серьёзные случались у Виктора и ранее. И тогда подставляли своё не могучее и кривое плечо водочка и коньячок. Но в те сложные периоды Виктор Фабрикант всегда нутром чуял: это не надолго, это пройдёт, это от перегрузок — нервы. И у него были свои пути преодоления подброшенного коварной судьбой кризиса, так он называл мужские критические дни. Он интуитивно определял пик падения и помаленьку упрямо выползал. Отжиманья от пола — так, что виски лопались, избиение ни в чём не повинной боксёрской груши — до помутнения в глазах и седьмого пота, редактирование собственных философских сентенций, хранимых в потрёпанной пухлой папке... Раньше этот мощный джентльменский набор помогал. Теперь проверенные приёмы не срабатывали по той простой причине, что не хватало сил к ним не то что приступить, а даже приблизиться.

Обложили? Врагов не видно, грехов, требующих ответственности, не так уж много. Зачем, кому нужна эта то ли шарада, то ли клоунада? А клоун кто? Понятно — кто.

8

Морское танго

Дед Михаил стоял на берегу. С моря дул слабый ветерок, волна — так себе. Замеченный им в море предмет, покачиваясь, приближался. В воду лезть не было смысла: и так прийдёт. И прибило. Туша крупного дельфина подплыла к берегу, развернулась и упёрлась в мель. Дед осмотрел погибшего обитателя водных пучин сначала стоя, затем присел на корточки. Брюхо начисто вырвано, на его месте зияла огромная рана. Запаха не было — погиб дельфин недавно. По камням так потаскать не могло, прожорливая мелочь какая объест — не успела бы, да и какой должны быть эта мелочь?

Дед Михаил ступил в воду, схватил дельфина за хвост и вытащил, насколько смог, на берег. Такого он не видел, но рассказывали. «Словно срезало, — подумал он, — может винтом? Нет, не винтом, винтом — не так». Но если руку на сердце, кто действительно знает, как оно на самом деле винтом? Показать гостям? Или спрятать? Куда ж его спрячешь? Какой зверь мог так покалечить? Получается — гад!

...Чай решили пить на верхней веранде. Свежий воздух, красота, ради такого чуда стоит жить и бороться, подумал Смагин. Максимилиан Волошин, прикрыв глаза ладонью, смотрел в небо. Смагин проследил за его взглядом. На фоне жидких облаков парил планер.

— Дар природы, — восторженно сказал Волошин. — При южном и северном ветре над хребтом Узун-Сырт образуются чудные восходящие потоки воздуха. Воздухоплователи могут парить в небе часами — и встречать, и провожать зарю. В будущем году здесь планируется первый слёт планеристов СССР. Романтика, вера в будущее торжествуют. Война и вот

эти планеры... Есть надежда, есть! Коктебель в переводе с татарского — край голубых вершин. Здесь взлетит наша авиация. И к небесным голубым вершинам, и к звёздным космическим.

Смагин с нескрываемым удивлением глянул на собеседника: страна — в разрухе, голод, нищета. Заводы стоят, паровозы собирают — один из трёх, беспризорщина, банды... Посмотрел ещё раз на планер, приветственно помахал рукой. Если новая революционная власть посчитала нужным создать управление РР, что всякой чертовщиной занимается, значит, смелая наша власть, вперёд смотрит, и кто знает, кто знает, может, и к вершинам космическим доберёмся, подумал он, но сказал:

— Здорово! Как птица!

— А касательно вопроса вашего, не скрываю, интересуюсь. Свидетельства неумолимо рисуют нам родное сердцу побережье: Аю-Даг, или Медведь-гора, Новый свет, Феодосия...

Волошин с сомнением посмотрел на Смагина, решая продолжать разговор в таком же русле или нет. После паузы продолжил:

— И свидетельства эти измеряются годами немалыми, столетиями. Император Николай I даже повелел отправить в Крым учёную экспедицию. Поиск она вела в районе Карадага. И к изумлению мира учёного найдено было яйцо монструоса весом двенадцать килограммов. Вы представляете?

Смагин не скрыл впечатления — двенадцать килограммов? Не верилось. Прикинул в уме и описал руками размер яйца. Уважительно покачал головой.

— И представляете, так в яйце том был зародыш дракона. А невдалеке от этой дивной находки откопали мужи учёные останки гигантского хвоста допотопного ящера.

— Допотопного — это значит того — времён весьма и весьма отдалённых? — риторически спросил Смагин, отхлебнул чаю, уважительно причмокнул и продолжил: — Допотопного — это понятно. Великая наука — археология. Но есть же свидетельства сравнительно недавние, чуть ли не вчерашние.

— Вот здесь я в некоторой растерянности. Одно дело — легенда, красивая и немного пугающая...

Волошин встал, прошёлся по веранде, доски поскрипывали. Обхватил руками перила, наклонился и неожиданно громко произнёс: «Удивительный край! Удивительный! Чтобы его сохранить, стоит жить и бороться!». Смагин вздрогнул, это что — чтение мыслей, подумал он, нет, просто совпадение — такие виды, такая природа, просто настрой общий. Волошин продолжил:

— Другое дело — события реальные, не из приятных, доложу вам. Да вот в прошлом году злодействовал кто-то. Животные пропадали, покойника нашли, из приезжих, в состоянии умопомрачающем. Со скалы он прыгнул, несчастный. Именно прыгнул — не упал. С чего вдруг?

— Может, любовь несчастная, личные неприятности? — более к слову, чем серьёзно предположил Смагин.

Волошин с нескрываемым удивлением глянул на собеседника:

— И поедет человек в такую даль за несчастной любовью или неприятностями? Здесь у нас любая любовь может стать только счастливой, а любые неприятности обернутся своей светлой стороной...

— Что же тогда могло, по вашему мнению, привести к такой трагической развязке? — спросил осторожно Смагин.

— Местные жители говорят, гада видели, издалека. Но видели — на берегу. Вот и думай. Власти поиск вели, людей присылали, скалы облазили, да и уехали ни с чем. А может, и с чем-то...

Волошин резко обернулся и встретился глазами со Смагиным. Смагин не отвёл взгляд и внёс ясность:

— Поверьте на слово — ни с чем. Я бы знал и вас бы проинформировал. В рамках дозволенного, конечно. А может, они бандитов или контрабандистов искали?

— Тут уж я затрудняюсь ответить. Военных видели, дома знаю, где на постое стояли, столовались. И ещё — что написано пером... Я даже газетку сохранил, местную, феодосийскую. Долго лежала. Рад бы показать, да, наверное, не найду уже. Статью о поисках гада этого я аккуратно вырезал, да Булгакову направил, Михаилу. Может, вырезка эта к таланту его и приладится. Бывал он здесь, а свиданье с местами нашими бесследно не проходит.

— Достойные люди это место посещают. Чехов, Горький, Брюсов, Вересаев. Даже теряюсь. Так бы встретился, как с вами, — дар речи потерял бы.

Волошин глянул на Смагина, в его душе не было уверенности в полной искренности собеседника. Он понимал: перед ним чекист, но чекист нетипичный, вопросы его интересуют не классовые. Максимилиан Волошин знал, что совсем недавно, 1920—1921 годах, в этом благодатном крае разыгралась страшная, не поддающаяся описанию трагедия. Обе стороны поусердствовали. Смагин — представитель одной из них. Количество жертв небывалого усердия приближалось к ста тысячам убитых... От осознания, необходимости понимания и оценки этой истины не могло отвлечь ни это удивительное солнце, ни горные красоты, ни родная поскрипывающая веранда с видом на море, ни мысли и надежды на спокойное творческое будущее. Однако сказал следующее:

— Традиция, знаете ли. Знать всегда за царём следовала — в Ялту. А наш брат, мечтатель, писатель, философ — сюда, к голубым вершинам. Свободней здесь и спокойней.

Смагин удерживал канву разговора:

— Выходит так, что гад этот тайный и в море лиходействует, и на суше страху наводит?

— Выходит так. Но верится с трудом. Слышал я историю одну занимательную. И августейших особ касающуюся, и мечтателей. Факт не проверенный, но, кто знает, вдруг он подсказку и подарит.

— Как знать, как знать. В таких сложных случаях любая подсказка важна...

9

Троль

Виктор Фабрикант понимал: его крутят, как мальчишку. Схема понятна, даже кому-то рассказать — стыдно. Даёшь раз без предоплаты — всё проходит нормалёк. Даёшь второй — нормалёк. Даёшь третий — и тут заблаговременно подготовленный облом. И облом сразу по нескольким направлениям. И финансовый директор — сволочь, куда он смотрел? Команду я давал, даже давил, но ведь он тоже не последний человек... И денег нет, и товара нет. И на складе пусто. Нормальные, наработанные годами, не раз проверенные каналы, по бурным водам которых выгодные контракты на блюдечке с голубой каёмочкой сами приплывали, резко обмелели, словно кто-то умелый и знающий перевёл товарно-финансовые шлюзы на коварное ручное управление. И сначала поверить трудно, осознать опасность, так сказать, во всей её красе. Есть другие предоплаты, тратишь, думаешь, да вот ещё немного, день-другой, и всё решится. Но не решается. И тут кредиторы — все, валом, как будто за углом кучковались, выжидали и, улучив момент, набросились, как стая голодных собак.

Понятная картина, знакомая, не раз описанная в частных беседах. Но сил, терпения, нервов выкрутиться нет. Резервы? Дом, малость валюты, кое-какое золотишко, автомобиль, офис... Мало, не хватает. Можно запустить поступившие деньги. Какая разница, какого они происхождения? На счету — значит, мои. Их тоже мизер, для прорыва — крайне недостаточно, но на безрыбье... И эти письма? Купи козу — выгони козу... Положение тяжёлое, но без них, этих писем, было бы всё же легче. Странно устроен человек. Легче? Сто же правит миром? Иллюзия?

Постоянный туман в голове никак не позволял выстроить хоть какую-то — слабенькую, тоненькую, но рациональную линию. Причём здесь клад и неизвестные ему умершие люди? И тем более — деньги?

Ну, хотят уничтожить в чистую, окончательно. Можно было сделать намного проще, зачем так усложнять. А что касается уничтожения полного, физического, то есть, так здесь вообще проблем нет. Нет? Мурашки по коже. Это реально, это несложно — не такая Виктор Фабрикант фигура,

чтобы кто-то с ним цацкался. То есть, им не нужен бизнес, им не нужна моя жизнь... Что тогда им нужно? И кто такие — «они»?

Хлебнуть? Нет, пока не надо. Хотя немножко — можно. Виктор приложился к бутылке, поставил. Посмотрел на неё, как на врага. Сколько эта гадость людей сгубила... А коньяк ли, водка их сгубили? Может, всё же слабость, страх, отсутствие жизненного стержня и содержания? Какого к чёрту стержня! Ещё недавно Виктор мог любого — через колено. А раньше — тогда? Сложная гимнастика, бег по просеке, научное питание, не детское увлечение философией, железные нервы, благие намерения... И что имеем теперь? Имеем то, что имеем. Спрятаться? Куда? И от кого? Надо хотя бы опасность видеть, знать с какой стороны ветер дует.

Вот так, по пьянке, ушёл из жизни одноклассник, Васька. Как там его по фамилии... Екименко. Что-то там и писал, и рисовал, на гитаре играл, бился головой о стену, доказывал всему миру, что он не верблюд, и весь мир ему пассивно и снисходительно верил...Запил и сгорел. Как-то объявился, попросил денег то ли на сборник стихов, то ли на книжку рассказов. Дал. А что толку? Увял на глазах. Похоронили. Кто-то помнит? Никто. А ведь полгода прошло! Полгода. Если только близкие. А были они у него? А у тебя? Родители умерли, жены сбежали, партнёр и тот погиб. Одноклассник Васька шагнул в темноту и исчез. И похороны те были какие-то убогие, неискренние. Словно все приглашённые уже много лет назад знали о таком печальном итоге и пришли просто удостовериться в справедливости своих прогнозов, отметить в качестве участников скорбного события, да обменяться новостями. И в конце...

Стояли возле могилы, тянули горькую рюмку, снежок падал — декабрь, вроде, перебрасывались банальностями, неумело крестились, кто-то выдавил из себя «земля ему прахом», никто не поправил — какая тут разница... И так всё это выглядело жалко, печально. Что же было в конце? Распорядитель от местных, кладбищенских, ляпнул что-то окончательное, печальное и замысловатое... Надо вспомнить... Надо вспомнить!

10

Морское танго

Волошин, провожая Смагина до калитки, продолжал беседу:

— Да, газетчики окрестили этот случай тропическим феноменом, но серьёзный читатель этот рассказ на веру не принял. А когда всё подтвердилось, такое началось... И при царском дворе тоже нашлись угодники. Ну, чем наши места хуже тропического острова?

Смагин слегка замялся в нерешительности, но нашёлся:

— Ничем, полагаю. И всё же здесь — не остров.

— Ваша правда, ваша правда.

— Благодарю вас душевно, большое спасибо, — слегка раскланялся Смагин.

— Чем смог, — с лёгким поклоном ответил певец крымского края.

Сеулин терпеливо ждал Смагина неподалёку от дома.

— Долгий был разговор, — с пониманием сказал он, подходя к Смагину.

— С такими людьми коротко нельзя. Это наше достояние.

Сеулин немного растерялся, не поняв сказанное.

— Достояние страны нашей, — пояснил Смагин, задумался и добавил: — Только осторожно с ними надо, бережно. На вершинах они живут, на голубых. А мы — на земле.

Сеулин впал в некоторое замешательство, однако понимающе кивнул. Смагин поправил гимнастёрку и принял серьёзный вид.

— Вот что, Миша. Я с тобой некоторыми соображениями делюсь. А потом решим: кому в Феодосию, в архив, а кому на биологическую станцию, к учёным. Здесь недалеко. Сдаётся мне, некоторые важные телеграммы надо отправить. Да с местной милицией необходимо пообщаться основательно, со старожилками. Тесно пообщаться. И — что у тебя?

— Утопленник.

— Из местных?

— Нет. Но вроде и не из приезжих, из интеллигенции, то есть.

Смагин и Сеулин быстрым шагом пошли к морю. Жара, только ветерок и спасает. Хотя насчёт «спасает» уверенности нет. Чуть порыв сильнее — сразу пыль, неприятная, въедливая. Понятно: надо тем сбавить, идти не спеша — никто ж не гонит. Не получается не спеша. Миновали интеллигентную парочку, средних лет мужчину и женщину, хорошо одетых, в прекрасном расположении духа. Мужчина рассказывал что-то увлекательное, и его дама с пониманием закатывала милые глазки. Бледнолицые, как мы, подумал Сеулин, приезжие, не то что почерневшие от солнца местные ребята в драных подштанниках.

— Чудно. Как будто ничего и не было, — кивая на парочку, тихо сказал Сеулин.

— Как будто, — задумчиво произнёс Смагин.

Он вспоминал разговор с хозяйским внуком. Мальчуган рассказал о троих в лодке, а дед почему-то умолчал.

— Слышно было или показалось? — спросил тогда Смагин мальчишку.

— Лодка не далеко, не очень далеко была. Но море шумит, чайки ругаются. Вроде, как кричали. Лодка за скалу зашла. Уже не видно было.

— А дед слышал?

Мальчик пожал плечами.

— А сколько человек было?

— Не один — точно. Два или три. Не рассмотрел.

На берегу собрались местные, вытащившие на гальку утопленника, пригнанного волной к берегу, милиционер и несколько зевак. Невдалеке стояла бричка, лошадь лениво постукивала копытом. Мария была здесь. Труп лежал ничком в нескольких метрах от воды. Мужчина средних лет, крепкий, в одежде, следов разложения нет — недавний. Рядом с ним — свёрнутый брезент. Смагин вопросительно посмотрел на Марию.

— Видимых повреждений нет. Возможно, упал с лодки или с обрыва. Шторма не было, ветра не было. Не из местных.

— Это понятно. Одежда?

Ответил милиционер:

— Пусто. Ничего.

— Совсем ничего? Табак, спички, нож...

Милиционер отрицательно покачал головой, поднял брезент, начал его разворачивать, остановился, вопросительно посмотрел на Смагина:

— Забираем?

Смагин утвердительно кивнул. Милиционер оценил расстояние до брички.

— Донесём? — безадресно спросил он.

— Донесём. Расстилай! — развеял его сомнения Сеулин.

Милиционер резким движением развернул брезент и бросил рядом с утопленником. Мария кивнула милиционеру и обвела глазами присутствующих. Милиционер строго глянул по сторонам и приготовился что-то сказать.

— Да ладно уж, мы уже видели, — добродушно сказал стоящая невядалеке женщина, — лицо — ужасъ, как его перекосило, однако...

— Видели—не видели... Дело государственное. Разойдись! — скомандовал милиционер. Присутствующие сделали шаг-другой назад, но покидать место происшествия никто не спешил.

Смагин махнул рукой. Сеулин помог милиционеру перевернуть труп. Лицо покойника было перекошено гримасой ужаса. Смагин глянул на Марию, в глазах вопрос.

Мария слегка развела руками — трудно сказать. Смагин нагнулся и набросил угол брезента на лицо. Милиционер и Сеулин завернули тент,

взялись с одного края. Смагин нагнулся и попытался ухватить груз поудобней, Мария хотела ему помочь, но крепкий мужчина из местных её оттеснил.

— Ну, с богом, — скомандовал милиционер.

Труп поднесли к бричке и аккуратно уложили.

11

Троль

Когда я ознакомил Ивана со своими соображениями по поводу очередности изложения событий, описанных в архиве, он выразил сомнение: первая история какая-то несерьёзная. Какая есть, возразил я, к тому же желательно соблюдать хронологию — так легче воспринимается. Пусть будет так, нехотя согласился Иван, но никакого альтернативного творческого плана не предложил. Весомо добавил: бывал он в тех крымских местах — красиво, радостно, воистину — «праздник, который всегда с тобой». И даже поделился своим личным наблюдением. Шёл он по тропе Голицына и во время остановки-перекура наблюдал в море интересное явление. Появился бурун вдалеке, словно колесо в воде крутится, и показалось, что животное какое-то крупное играет. А какое крупное животное в Чёрном море? Может, риф или стая дельфинов?

И потом Иван резко пересел на своего конька. Кратко пересказал услышанную от экскурсовода историю о виноградаре и виноделе князе Голицине, жившем, мягко говоря, не совсем по средствам и хозяйство своё по этой причине немного запустившем. И засветило впереди полное разорение, и созданная практически с нуля цивилизованная культура виноградарства могла оказаться в списке безвозвратных потерь этого солнечного края. Но находчивый князь принял превосходное с точки зрения менеджмента решение: предложил государю принять в дар все свои изрядно оскудевшие богатства. Царь принял дар и назначил управляющим всего этого богатства... того же князя. С выделением дополнительных средств на развитие виноградарства, подчеркнул Иван. И закончил он эту занимательную историю в своём стиле, определив эту сделку как прекрасный пример своеобразной рекапитализации предприятия, когда и овцы целы, и волки сыты. При этом, кто есть кто, не уточнил.

Наша странная беседа закончилась тем, что Иван сообщил: времени у него нет, ему надо ехать к Машке, что-то она захандрила.

Я был уверен, что рано или поздно затянувшийся роман Ивана с Машкой (он именно так её называл) получит логическое завершение — они будут вместе. Но многого, очень многого я об их отношениях не знал. И не мог знать. Я знал, что он её посещает, я знал, что они иногда прогуливаются, выезжают на природу, знал, что Иван относится к ней бережно, с любовью, но какой-то странной любовью.

Принимая во внимание тот бесспорный факт, что Иван — парень странноватый, с прибабахом, я не удивлялся, что, несмотря на продолжительное знакомство, ни он, ни она не демонстрировали явной теплоты и

близости. Каждый идёт своим путём, и я не считал себя вправе ни расспрашивать Ивана об этом союзе, ни тем более давать ему какие-либо советы по этому поводу. Их истинные отношения, как и многое другое в жизни и поведении Ивана, стали для меня открытием, запоздалым. Но лучше поздно, чем никогда. И открытием — не из худших, но, признаюсь, и не самым радостным.

...Иван позвонил в дверной звонок. Машка открыла, слегка растрёпанная, одета в лёгкий не новый некогда добротный халат. Радостно улыбнулась: «Проходи, Ванечка!». И порхнула в комнату. Иван прикрыл дверь и последовал за ней.

В комнате — творческий беспорядок. Посреди — мольберт, рядом картонный ящик, на нём уголь, пахучие краски. Работал телевизор, звук приглушён. На журнальном столике стояла большая тарелка с клубникой. Машка уже сидела в кресле и выбирала ягодки покрупнее. Иван в нерешительности замялся. Машка вскочила и бросилась ему на шею.

— Ура-ура-ура. Прибыл мужчина не моей мечты. Теперь я не одна.

Иван бережно обнял Машку и осторожно поставил на пол.

— Машка, что ж такая — зараза жорж-сандовая. То твоей мечты, то не твоей мечты...

— Моей, моей! Но могу же я в этом признаться! Давай трескать клубнику. Но предупреждаю — мне самой мало.

— Терпеть не могу клубнику — пижонская ягода, трескай сама.

Иван сел на кушетку. Машка изобразила ногами в стоптанных тапочках нечто вроде половецкого припляса, схватил со столика тарелку с клубникой, поставила её на кушетку, села.

— Ты мне деньги давал? Давал. Я не могу так. Я не девочка на содержании. И даже давно уже не девочка. Давай вместе?

— Ну, давай. И хлеба горбушку и ту пополам, — с усмешкой сказал Иван и аккуратно взял аппетитную ягодку. Лениво пожевал и перевёл разговор в область бытовой реальности: — Вообще-то, недурственно. А что-нибудь более существенное есть?

Машка капризно надула щёки.

— Вы — мужлан, однако. Бомонд вас не принимает. Идите на кухню — жарьте свою дурацкую яичницу. И кран течёт вторую неделю.

Иван встал, быстро выхватил из тарелки клубничку, забросил в рот, подмигнул собеседнице и пошёл на кухню. Без особой надежды открыл холодильник, удовлетворённо хмыкнул, так как иной картины и не ожидал. Подошёл к мойке — кран тёк. На кухонном столе стояли початая бутылка и бокал с вином. Иван с досадой покачал головой и выпил вино. Подумал и наполнил бокал наполовину.

— А у вас в бомонде сантехники не тусуются? — громко спросил он.

Машка сбросила стоптанные тапочки, подтянула ноги, устроилась поудобнее, показала язык невидимому Ивану и доложила:

— Не, у нас больше гладиаторы. Гладят, гладят, а толку...

Иван достал из духовки сковородку, поставил на плиту, включил газ. Тут же выключил, ещё раз заглянул в холодильник и выбрал нехитрый набор продуктов.

Машка встала, подошла к мольберту. На закреплённом листе ватмана — густые штрихи, пока что—либо понять было трудно, но ясно — что-то модерновое. Машка надула губки, критически посмотрела на работу. И тут тридцатилетняя девчонка-проказница преобразилась: лицо стало серьёзным и тоскливым. Взяла уголь и перечеркнула крест-накрест работу. Вернулась на тахту.

На кухне что-то упало, то Иван уронил крышку от кастрюли. Он чертыхнулся.

— Держите себя в руках, мой рыцарь. Налейте даме бокал вина.

Иван взял бокал, глянул на сковородку, где созревала яичница, выключил газ, прошёл в комнату и с лёгким поклоном вручил Машке. Она отхлебнула и благодарно кивнула. Иван подошёл к мольберту.

— Опять? — спросил он.

— Опять. Не то. Всё не то.

Иван подошёл к тахте, присел на корточки, взял руками руки Машки, слегка пожал.

— Всё получится, всё равно получится, — тихо сказал он, отпустил руки, резко встал и, галантно раскланявшись, предложил: — Пойдём, там на двоих.

Машка втянула носом воздух и живо спросила:

— С помидорами. Иди, я сейчас.

Иван прошёл на кухню. Машка отхлебнула вина, поставила бокал на столик, замерла в задумчивости и, как бы решившись, пошла.

Сервировка — не ресторанная. На столе уже стояли две тарелки с яичницей, на салфетке — порезанный хлеб. Иван сидел за столом, с нетерпением покачивал вилкой. Машка подошла к Ивану со спины, положила ему руки на плечи.

— Ванюша, как же я тебя достала. Клянусь — я буду себя хорошо вести. И даже что-нибудь приготовлю. Завтра. Послезавтра. Скоро. Даже плов.

Морское танго

Кирилл приближался к своему сокровищу, к своей самой большой тайне. Он шёл по мелководью к нише в скале. Иногда скользил, сползал в воду, ловко выбирался и шёл далее. Миновал мизерные галечные пляжики — лечь бы на солнышке, зажмурить глаза...

Вода крутила прибрежные водоросли, рисовала причудливые картины. На мгновение обозначилось не зависящее от волн движение — какой-то большой шар, утыканный разноцветными перьями, скользнул неглубоко под водой, очертил зигзаг и исчез в глубине. Рябь, солнце слепит — показалось...

Даже в спокойную погоду вход в грот был неприметен. Мальчик наклонился и смело вошёл. За узким проходом следовала довольно большая пещера с уходящими, бог весть, куда ходами. Она была частично залита водой, трудно было понять: просто нагнало волну или эти своеобразные лагуны сообщаются с морем. Во всяком случае, если ступить в воду и немного пройти, глубина резко нарастала. Не так давно Кирилл нырял неподалёку от этого места. Глубина здесь огромная, десятки саженей — водолаз в своём причудливом громоздком костюме и тот не достанет. Что там — в глубине? Рядом, несколько шагов, а не известно. Темно там. Но, пока поверхность близко, и солнышко пробивает воду своими яркими сильными лучами, игра цветов удивительная.

Кирилл помнил последнюю «игру». Он нырнул, осмотрелся, было светло, видимость хорошая. Продвигался вдоль обрыва, падающего в глубину, уверенно ощупывая камни, поросшие редкими водорослями. И заметил вдалеке странную картинку. Вертикально, так, что нижняя часть уходила в глубину, охваченную полумраком, а верхняя часть почти дотягивала до поверхности, медленно продвигалось, как он определил, бревно-плавун, брус или даже диковинная доска. Верхняя часть, охваченная солнечными бликами, была значительно толще основного тела, но почти не просматривалась. Огромную, как прикинул Кирилл, палку медленно разворачивало, и она становилась то узкой, с ладонь, может, чуть больше, то широкой — под стать веслу. Воздух был на исходе, но Кирилл успел заметить, как доска медленно удалилась в темноту...

Сверху довольно мощно пробивался свет. Мальчик прошлёпал вдоль стены по воде, двигался он уверенно. За большим камнем с красивыми переливающимися на свету вкраплениями — тайник. Он сдвинул несколько небольших пластушек и достал из углубления изрядно поржавевшую металлическую коробку.

Вот оно — богатство. В коробке — моток толстой лесы, грузы, крючки, настоящий компас. Он повертел компас в руках, любовно посмотрел на своё сокровище. Дед говорил, он принадлежал отцу. Отец был простой рыбак, ушёл на войну с германцем и не вернулся. Кирилл его не помнил. Он глянул на компас ещё раз и аккуратно уложил в коробку. Послышались голоса. Это у входа. Мальчик с надеждой глянул в сторону

моря — поздно, надо переждать, мало, кто там, может свои, может чужие, в любом случае встреча нежелательна. Спешно накрыл коробку камнем, прошёл вглубь пещеры, спрятался за камнем, в полумраке.

Голоса стали слышны более явственно. «Неужели вздумают войти, — подумал Кирилл, — на кой?» Зашли. Получается, на лодке. Шаги и голоса приблизились. Двое мужчин, молодой парень и мужик солидный, в возрасте, уверенно прошли вглубь пещеры. Молодой нёс за широкими плечами увесистую котомку. Контрабандисты, подумал мальчик. Надо учесть, что под этой профессией мальчик понимал не только несознательных граждан, осуществляющих незаконные приграничные трансакции, а нечто большее — гордых наземных разбойников, флибустьеров солнечных морей и прочих лихой народ — романтичный, дерзкий и... неопасный. Жаль, что груза у них маловато, подумал он, но ничего, как пройдут — надо втихаря к выходу. Но любопытство взяло своё. Если не контрабандисты, то артельщики — это тоже не бандиты, не страшно. Он тихо последовал за ними, шум прибоя смазывал, глушил звуки, подыгрывал ему. Пацан двигался в полумраке, однако за поворотом — опять свет. Чужаки стояли возле большой груды играющих удивительными переливами всех цветов камней.

— И как всё это добро перетаскивать? — спросил молодой.

— Ручками. Чай не барин. Провиант выкладывай, загружай и к вечеру управишься.

— Что ж я один? — недовольно пробормотал молодой.

— Один, один. При таких-то харчах... У воды сложишь, а там вдвоём и забросаем. Я вечером буду.

Молодой мялся в нерешительности, то ли лень было работать, то ли не хотелось оставаться одному.

— Если здесь этого добра, — сказал он, кивая на груды поделочных камней, —

так много, что ж новая власть здесь артель с толком не наладит?

— Что новая власть, что старая. Учёные люди давно здесь всё облазили и изучили. Жидковато здесь для большой артели или фабрики какой. А дня нашего брата — самый раз. Камней здесь уйма, и главное — разные они, на любой вкус. Только б не мешали, а то повадились.

— Это те — из Феодосии? Что рыб кормят? — спросил молодой.

— И те, и эти. Одного к берегу прибило. Будь они неладны. Теперь ховаться надо...

Старший болезненно покривился и попытался размять спину.

— Местные говорят — гад их, — не совсем уверенно произнёс молодой.

— Говорят-говорят. Сколько я живу, столько и говорят. Море, оно чужих не любит. Сидели б дома и на чужое б хавалки не раскрывали.

Делом надо заниматься. К вечеру чтоб управился. А этот я с собой возьму. Ох, хорош.

Старший, болезненно охая, наклонился и взял из груды крупный камень.

— Это и есть яшма? — спросил молодой.

— Дурья твой башка, это оникс, — назидательно пояснил старший.

— И много за него дадут?

Старший тяжело сокрушённо вздохнул и бросил на напарника безнадёжный взгляд.

— Много. И прокурор добавит. С камнями этими работать ещё надо. Это тебе не алмазы—изумруды. Нагрузил мешок и — за границу. Тут ещё столько труда приложить надо...

Кирилл решил, что уже пора. Коленки тряслись от напряжения, да и страшновато — что у них на уме? Он развернулся и тихонько стал пробираться к выходу. Мокрые камни — скользкие, надо осторожно. И всё же оступился. Было бы полбеды, если б споткнулся, нет — свалился, как куль с телеги — шумно. И море словно на мгновенье затихло... Вот досада!

Незнакомцы прислушались. Мальчик вскочил и побежал. До выхода было шагов пятнадцать — немного, и он бы преодолел это расстояние за считанные секунды. Но поскользнулся, опять упал. Стало страшно.

Артельщики наконец сообразили: они здесь не одни. Побежали довольно неуклюже на звук, обогнули камень, увидели нарушителя покоя.

— Ну, нечистая, — выдохнул старший, — не вовремя, бери его, Сеня!

Оба бросились вслед. Возможно, сыграл свою роль охотничий инстинкт. Ибо если их обоих в тот момент спросить, зачем им мальчишка, вряд ли бы они смогли объяснить. Поймать и всё, а там посмотрим. Они не были кровожадными бандитами или хранителями уголовного общака. Артельщики — и не более.

Мальчик выскочил из грота, на волнах покачивалась лодка. Их лодка. Как тут быть? Бежать вдоль берега — догонят или пешими или на лодке, двое их. Прыгнуть в лодку — пока туда-сюда — не успеть. Да и лодку чужую взять — большой грех. Тут даже свои, местные, по головке не погладят, так вздуют. А об артельщиках и говорить не приходится. Кирилл остановился в замешательстве, его состояние приближалось к паническому.

И тут он действительно испугался. Из пещеры донеслись дикие крики.

Мальчик побежал вдоль обрывистого берега по скользкой гальке, упал, встал, опять упал, встал. Добрался до малозаметной отвесной тропинки, спускающейся к воде, стал карабкаться вверх, сдирая в кровь коленки и отчаянно помогая себе руками.

Троль

Звонок. Смотрю — Иван. Что ж на этот раз? На этот раз Иван без всякого вступления бодро сообщил:

— Привет! Я нашёл. Глеб — гений.

И тишина. Видимо, он ждал, что я разделю его восторг. Я бы не прочь, но опять, опять ничего не понятно. Пауза затянулась.

— Насчёт гения — не сомневаюсь. А вот по поводу находки... Не со-
благоволите ли, господин кризис—менеджер, пояснить, какова ваша
находка и насколько она велика и значима.

— Я нашёл Смагина.

М-да, подумал я. И закралась мысль: вот эти все звонки, утоплен-
ники и галюки, имеют ли они лишь, так сказать, внешнее происхождение?
Может, всё проще? Что тут ответить? Я подумал и ответил?

— Ну и как он?

— Представляешь, старина, он умер.

— И когда похороны? — только и спросил я.

— Ты знаешь, старина, поздно — уже похоронили.

Скажу откровенно, на многое в плане интеллектуальном я не пре-
тендую. Но и не идиот, хочется надеяться. Но как в такой ситуации быть,
что сказать, как себя вести? Дар слова покинул меня. И самое, как ни
странно, печальное в данном случае было то, что и Иван не был идиотом.
Может, действительно он — того? Устал, переволновался...

Могла быть ещё одна причина столько странного поведения. Глеб, к
большому сожалению, прикладывался к бутылке, и довольно серьёзно.
Мог он втянуть в этот пагубный процесс и Ивана. Во всяком случае, я бы
этому не удивился. Хотя бы по той причине, что однажды я эту парочку в
соответствующем состоянии наблюдал. Надрались они тогда здорово и
как-то, я бы сказал, сурово. Именно сурово. Ни раньше, ни позже этого
случая я не видел такого тяжёлого взгляда Ивана. В нём было что-то от-
чаянно звериное. По какому поводу они так лихо сошлись во мнениях на
тайны мироздания, я не знаю. И мне об этом доложено не было. Тогда я
понял, что этих двух ребят связывает некая нить, имя и суть которой мне
знать, по их мнению, вовсе не обязательно. Но хотелось бы. Но вернёмся
к нашему разговору.

— Не думал, что в лучшем мире мобильная связь в небесах так же
эффективна, как и на бренной земле! — твёрдо заявил я.

Было слышно, что Иван с кем-то разговаривает. Дискуссия была
смешливой и оживлённой, но содержание её по причине слабой слыши-
мости не было понятным. Наконец Иван заговорил:

— Глеб сказал, что я debil. Возможно, он прав.

— Он что — тоже того, отошёл? — спросил я и подумал: это ж сколько надо принять. Ну, Глеб — понятно, но Иван — он же не любитель, не сторонник и почти враг зелёного змия.

— Нет, — пояснил Иван, — он объяснил мне, что я себя неправильно веду, неправильно излагаю информацию.

— Думаю, что он прав. Давай по порядку, — закипая, попросил я.

И он объяснил — довольно быстро и доходчиво.

Попутно я должен дорисовать картину происходящего. У Ивана с Глебом странный союз. Сказать, что он дружил с Глебом, значит, ничего не сказать. В этих отношениях главенствовали не банальная пионерская дружба, не тесные приятельские отношения, не служебные тёрки или схожесть взглядов на эзотерические философские концепции. Это была дружба в истинном, возможно, забытом смысле этого слова, дружба молчаливая, упрямая и настолько мотивированная, что, похоже, ничто не могло её разрушить, потому что неизвестное мне прошлое спаяло её как древний цемент.

Я посещал Глеба в компании с Иваном. Не думаю, что на этот раз интерьер комнатки сильно отличался от увиденного мною тогда. Простенькая обстановка: старенькие диван, кресло, небольшой стол, телевизор на тумбе, одёжный шкаф. Из-за дивана выглядывала гитара.

Иван толкнул входную дверь — открыто. Прошёл в комнату. Аромат — привычный, всё располагало душевной экзальтации. Глеб восседал на диване. Небрежно кивнул вошедшему, привстал, подкатил поближе журнальный столик. На нём пепельница, полная окурков, раскрытая пачка дешёвых сигарет, простенькая зажигалка. Глеб достал сигарету, щёлкнул зажигалкой, закурил.

Иван придвинул к столику кресло, сел, достал из кармана пачку приличных сигарет, положил на стол, закурил. На мгновение в упорглянул на Глеба. Хозяин квартиры развёл руками, видимо, желая обнять нечто не меньшее, чем земной шар, глупо улыбнулся.

Интеллектуал-менеджер начал беседу просто:

— В рыло дать?

— Сильно? — уточнил Глеб.

— Да.

— Нет, не время ещё.

— Хорошо тебе! — оценил картину в целом Иван.

— И уже давно. Присоединяйся. Там, на кухне, — с лёгким вызовом сказал Глеб и тут же спохватился, — Нет, я ж переставил.

Глеб сдвинулся на правую сторону дивана, протянул руку, зацепил гитару, она упала. Чертыхнулся, полез дальше, достал початую бутылку

водки, на горлышке гранёная рюмка, поставил бутылку на стол, снял рюмку, налил, пододвинул Ивану.

— Дай закусить, куркуль, — сказал непьющий Иван.

— Сам возьми. На кухне. Хлеб есть. Кетчуп есть. Картошка, вроде, есть. Консервы какие-то, сам приносил, знаешь. Тебе надо — ты и открывай.

Иван встал, пошёл на кухню и быстро возвратился, в руке — блюдечко, на блюдечке кусочек хлеба с кетчупом. Сел в кресло, выпил, закусил. Глеб удовлетворённо хмыкнул и спросил:

— Ну, как оно? Противно, наверное? Гадость?

— Отлично, хоть тебе меньше достанется.

Глеб усмехнулся. Иван вздохнул, окинул его отеческим взглядом.

— Что ж с тобой делать? Бить или не бить? Вот в чём вопрос.

Ответ Глеба был не менее поэтическим:

— Или восстать противу моря бедствий. И их окончить. Умереть — уснуть...

Иван добродушно усмехнулся и спросил:

— Налить?

— Нет, я не пью, — капризно ответил Глеб.

— Тогда я приложусь. За твоё здоровье.

— Тогда я не усну, — не без тревоги сказал Глеб.

— Весело. В воскресенье на рыбалку поедешь?

— У меня денег нет.

— У тебя их давно нет.

— Тогда поеду, — резюмировал хозяин квартиры.

Глеб налил себе полрюмки, выпил, закурил.

— Писанину забросил? — спросил Иван.

— Не идёт. Не хочу. Не буду. Не знаю.

— Понятно. Пришельцев мы не скоро победим?

— Победим, но позже. Пусть пока живут, сволочи.

Глеб писал. Уже несколько лет он работал над фантастическим романом. Я читал отрывки и должен признать, что в те минуты мне приходила в голову мысль: может, он сам пришелец? Сильно, мощно, безбашенно, но — незавершенно.

— Всё воюешь? В смысле — трудишься? — спросил Глеб.

Иван утвердительно кивнул. Он смотрел на небольшую этажерку с книгами и не мог сообразить, что же привлекло его внимание.

— Я тоже — со своей тенью, — сказал Глеб

— Проиграешь. Со своей тенью воевать нельзя. С ней надо подружиться.

— А помнишь, Иван, как мы на Байкал собирались?

— Нет, не помню. И не вспомню. Пока ты не вспомнишь.

Глеб тупо смотрел перед собой. Иван налил рюмку, пододвинул её Глебу, и в этот момент сообразил, что же привлекло его внимание. На этажерке лежал телефонный справочник, похоже, последнее издание. Он встал, полистал, нашёл себя. Но не только себя — рядом с его координатами находились данные ещё двух Смагиных. У одного из них были инициалы моего друга. Как же всё просто, подумал он. Ну, пусть, не всё, поправился он, но хоть что-то.

Глеб опрокинул рюмку, поморщился, оживился. Иван набрал по мобильному телефону однофамильца. Попросил господина Смагина. Ответил на заданный вопрос: «Как-то общались по поводу ремонта квартиры, довольно давно...» С той стороны выдали краткую информацию. «Иннокентий Юрьевич... Жаль, очень жаль. Жёсткое время», — грустно сказал он и через паузу: «Извините. Даже не мог подумать. Сожалею».

Глеб был не совсем в кондиции, однако задал Ивану вполне резонный вопрос: «Я тебе не мешаю?». После краткого пояснения врубился, оживился. Иван рассказывал недолго, из чего я могу сделать несколько выводов: или в общении с Глебом он придерживался другой стилистики; или Глеб на редкость сообразительный и терпеливый парень; или мне необходимо откорректировать моё собственное мировосприятие. Иван закончил словами: «Однофамилец умер. Недавно, но когда конкретно, неизвестно — кто бы стал пересказывать незнакомцу все подробности...»

Картина несколько прояснилась. Получалось, что таинственный абонент, побеспокоивший моего друга, возможно, хотел предупредить об опасности однофамильца. Нашёл он Ивана, скорее всего, по справочнику. Но — имя, отчество? Звонивший их уточнил, притом два раза. Отчества совпадают, но имена-то разные, не перепутаешь. Это было не понятно, это не могло быть простой технической ошибкой. Глеб недолго подумал и пояснил. Звонивший не знал ни имени, ни отчества объекта своего беспокойства, он знал фамилию и инициалы. Потому и попросил представиться. «Так было?» — спросил он. Иван напрягся, вспомнил разговор и подтвердил предположение.

Действительно, звонивший хотел уточнить инициалы, потому что увидел в справочнике трёх Смагиных. Звонил ли он умершему Смагину, пока было не известно. И тут опять вмешался Глеб и как человек, имеющий к печатному делу хоть какое-то отношение, выдвинул версию о том, что у неизвестно доброжелателя мог быть другой телефонный справочник,

где Смагиных могло быть два и даже один. Всё зависело от сроков телефонизации: справочники делаются не мгновенно, этот процесс занимает несколько месяцев. И здесь он тоже, возможно был, прав.

Вот после этого разговора Иван позвонил мне и поначалу совсем сбил с панталыку. Как теперь понятно, с помощью Глеба всё более-менее устаканилось. Но как позже выяснилось, не всё.

14

Морское танго

В небе парил планер. Среди обширного освещаемого ярким Солнцем и покрытого лёгкой дымкой великолепного пейзажа, включавшего в себя блистающее море, суровые живописные горы и бесконечную равнину пилот обратил внимание на небольшую каменистую площадку. На ней хорошо просматривались две человеческие фигуры, лежащий на земле довольно крупный предмет и стоящая невдалеке бричка.

На небольшом ровном островке, покрытом выгоревшим от жары кустарником, находились Михаил Сеулин и Мария Сикорских. Присев на корточки, они осматривали останки коня. Жарко, кружились мухи. У коня разорвано горло, вспорото брюхо. Синеватые кишки разбросаны, словно животное терзала стая гиен. Возможно, зверски израненная лошадь, силясь встать, ползала в агонии по камням и оставила после себя такие страшные следы. На земле лежал фотоаппарат «кодак». Сеулин поднял его, сфотографировал вблизи основные повреждения. Встал, сделал несколько снимков с разных ракурсов. При этом бросил реплику:

— Не скучно.

— Не институт благородных девиц, — вторила ему Мария.

— Может, это цыгане? Местные говорили — шалят иногда, — предположил Михаил.

— Цыгане? Коня? Вот так? — усомнилась Мария.

— Здесь диких собак много.

Мария посмотрела ещё раз на останки коня. Отрицательно покачала головой.

— Это не собаки.

— Получается топтыгин?

— О медведе никто и словом не обмолвился, я многих опросила, — не поддержала версию Мария.

— Зато о гаде говорят сколько угодно, — тихо сказал Сеулин, — но ведь это же несерьёзно получается, сказка, легенда... Не нравится мне это.

Мария выпрямилась, прошла вокруг истерзанного коня.

— Кому ж понравится. Такие вот дела. Медведь — сомнительно... Не собаки. Я так думаю. Надо доложить товарищу Смагину. И чем быстрее, тем лучше.

Лошадь, запряжённая в бричку, тревожно заржала, ударила землю копытом.

— Придержи её, беспокоится. Ещё сорвётся, понесёт, — сказала Мария.

Сеулин быстро подошёл к лошади, остановился на мгновение в нерешительности. Хотел взять под уздцы, но Мария уже стояла рядом, схватила уверенно узду, погладила лошадь, та скосила глаза, успокоилась. Сеулин виновато посмотрел на Марию, отошёл, осмотрелся по сторонам, «ощупал кобуру».

Мария зафиксировала это движение. «Не навоевался? — подумала она. — Условный рефлекс?» Как нас всех переломало! Умный, сильный, красивый мужчина — как долго он ещё будет машинально хвататься за несуществующий наган, видя в нём и единственного надёжного защитника, и самого близкого друга, и весомый аргумент в споре? Я нравлюсь ему! А он, прошедший огонь, воду, наверняка имевший немало связей с женщинами, не решается даже обнять меня, не говоря уже о большем. И я, потерявшая двух любимых и единственных мужчин в жизни, знающая, что в этом мире и почём, веду себя как несмышлёная девчонка, кисейная барышня? Что это? Может, это и есть новая жизнь — нежная, красивая, не больная, не убийственно стремительная и... честно заслуженная? И мы к ней пока не готовы. И что делать? Ждать и надеяться? Вся жизнь впереди? Так получается...

Мария отошла от растерзанной лошади. Странно, подумала она, я думаю о чём угодно, но только не о предмете расследования. Что здесь происходит, в конце концов? Слухи, рыбацкие выдумки, сомнительные свидетельства... Ничего конкретного. Утопленник? Гримаса? Если кто-то думает, что все покойники приветливо улыбаются, тот глубоко ошибается. Выпал с лодки, одежда тянет на дно, испугался — мало ли. Есть информация: он в лодке был не один. Где остальные? Где лодка? У нас нет людей, нет водолазов. Получается, будем ждать — может, море само поделится своими тайнами. Так не бывает.

Сбивает с толку, рассуждала Мария, путаница в свидетельствах. Часть из них связана с морем, часть — с сушей. Если принять это всё, хотя бы отчасти, всерьёз, то речь идёт о земноводном, о рептилии. Крокодил? Теоретически — да. Но — среда обитания? На пару недель, на месяц его, может, и хватило бы. Но далее что? Он погибнет. И крокодил не охотится на берегу и, тем более, суша для него не место для пиршества. Гигантская змея анаконда... Сколько бы о ней не сочиняли сказок, на суше она тяжела, медлительна и потому как охотник беспомощна. И опять — среда обитания? Здесь не Амазонка и не Ориноко.

Может, всё проще — это люди создают, как говорил товарищ Смагин, громкие прецеденты, способствующие распространению панических слухов, поддерживающие легенду. Но — мотив? Местные заметного страха не

испытывают, чтобы породить это чувство, необходимо ох как постараться. И зачем? Приезжие все эти истории не знают, если знают, относятся к ним как к сказкам местного разлива, и, похоже, жители прибрежных посёлков не горят желанием делиться с ними опасными особенностями местных достопримечательностей. Получается, в разжигании панических слухов никто не может быть заинтересован.

Мария посмотрела на убитую лошадь. Что же остаётся? Согласиться, что такие повреждения мог нанести медведь, и только медведь? Больше некому. Смагин, правда, предупреждал об опасности однозначных скоропалительных выводов. Однако есть основания предположить, что это именно тот случай, когда ответ прост, и фантазии неуместны. Это основная версия — земная. А море? Голова кругом. Всё остальное — домыслы, и они так останутся таковыми, если... Если учёные не помогут.

Странно — не дремучий лес, не тайга, думала Мария. Какие тайны? Здесь места более для отдыха, праздника подходят. Для отдыха — не роскошного, ленивого и праздного, нет, для отдыха доступного всем. Все — не только избранные! — имеют право посетить хоть раз в жизни этот великолепный край. Этот визит не изменит, не может сильно изменить человека — если только придаст немного сил, взбодрит. Но человек, познакомившийся с этими красотами, захочет изменить жизнь к лучшему и, непременно, изменит.

С утра Маше и Михаилу удалось посмотреть, как запускают свои рукотворные модели планеристы. Двое ребят, лет по пятнадцать, соорудили такое, что и поверить трудно, если б не видели собственными глазами. Из деревянных реек, бумаги, ткани, толстых и тонких ниток было построено что-то среднее между детским змеем (и тут змей!) и большой этажеркой с крыльями и хвостом, похожим на ласточкин. На обоих крыльях красной краской написало название летательного аппарата — «кондор».

За скромными и смелыми попытками победить земное притяжение наблюдало десятка полтора зевак из местных. Любопытство их было вполне понятным: не каждый день можно увидеть, как рукотворные сооружения, в большинстве своём сварганенные молодыми ребятами из подручных материалов, ныряют с обрыва в воздушный океан и затем, подхваченные невидимыми течениями, взмывают над зрителями и уверенно парят, набирая высоту.

Среди зрителей выделялся мальчонка лет десяти в потрёпанной одежде и нездоровым взглядом. Мария поняла: мальчик явно не в себе. Он постоянно крутился на месте, приседал, несколько раз приближался к могучему «кондору», протягивал руку, но прикоснуться боялся. «Бо-ой, к-ой б-ой да-он, не с-ный!» — подбадривал он сам себя, но последний шаг сделать не решался. Мария подошла к мальчику постарше, взяла его осторожно за руку, наклонилась к нему и тихо спросила, указав на беспокойного болельщика: «А это кто?» Мальчик отреагировал вполне адекватно, осторожно приблизился к девушке и тихо пояснил: «Это наш, местный. Умом он помешался в прошлом годе, жалко его. Он у нас живописец... Море рисует, дома, чаек, лошадей... всё рисует».

Один из ребят-конструкторов водрузил на себя воздухоплавательное сооружение, не имеющее ни кабины, ни места для пилота — ноги на земле. Второй вцепился в хвост. Глаза горят, полны чувством ожидания победы. Команда «вперёд», и ребята, спотыкаясь, побежали вниз по склону навстречу спасительному восходящему потоку. Мария и Михаил замерли: неужели полетит? Этажерка взлетела на пару метров и, развернувшись на девяносто градусов и задрав хвост, упала. Пилот был более расстроен, чем напуган — столько трудов! Напарник его успокаивал. По лицам аэронавтом было видно: главная задача — взлететь! — выполнена. Это было утром...

Сеулин оторвал взгляд от останков животного, посмотрел на небо и слегка растерялся: огромная чайка грациозно чертила небо. Чертыхнулся, присмотрелся — планер. Красавец. Утром на старте его не было. Неужели так быстро собрали? Говорят, скоро здесь пройдут соревнования по воздухоплаванию, лучшие советские аэронавты соберутся. Не рано? Нет, не рано. Если тянуть — ничего с места не сдвинется. Когда в библиотеке копался, прочитал: это место самой природой создано для полётов планеров. Для чего ещё создано природой это место? Что ж здесь происходит? Всегда думал, что сказки они — народные, из уст в уста передаются. Оказалось, ошибался. И в газетах, и в журналах — перелистать много пришлось — говорится об этом тайном гаде. И не понятно: то большая змея по суше ползает, то дракон овец ворует, то огромный змей в море за дельфинами охотится. А этот капитан, с подводной лодки... И почему капитан? Если подлодка военная, значит, командир. 1915 год — как же это давно! Он увидел жуткое существо. Что значит — жуткое? Животное оно и есть животное. А если большое, значит, большое животное — видно лучше, можно рассмотреть, затем описать. Расстояние? Капитан, который командир, сообщил два кабельтова. Это триста шестьдесят метров. Немало. Ночь опять же, хоть и лунная. Смотрел в бинокль. Морской бинокль — штука серьёзная. Но много ли через него ночью рассмотришь? Вопрос.

Сеулин вспомнил случай. Был он в дозоре. Ночь прошла спокойно, светало. Даже где-то далеко петухи зарю звали. И вот в этом полумраке смотрит он возвышенность, где удачно расположился пулемётный расчёт, то есть, свои там. И видит, как ползёт вниз с горки огромный английский танк. И всё видно — башни, пулемёты. Тревога? Но что-то не то — тихо. Взял бинокль, посмотрел — танк, но какой-то чудной, движется как бы вразвалочку, перегибается, расплывается. Тряхнул головой, протёр глаза — нет танка. Стадо коров ползёт в низину. И что поразило — тихо. И чуть позже стало слышным мычанье да сиплые окрики пастуха. Не стал никому рассказывать об этом случае ни тогда, ни позже. И медработникам на комиссии, когда в УРР переводили, ничего не сказал. А то у них разговор короткий. А, контузия? А-а, танк вам привиделся? А какой ныне год, какой ныне день? Всё с вами ясно, товарищ Сеулин...

И куда эту лошадь? Осмотреть и закопать? Так уже осмотрели. В Феодосию? А там куда? Товарищ Смагин ездил на биостанцию. Приехал повеселевший, в хорошем настроении. С чего тут веселиться? Станный он какой-то. И с Машей о чём-то долго беседовал. Она молчит, я тоже. Я

не в обиде — так положено, так всем будет лучше. Видно, известия хорошие там, на биостанции получены. И вот что интересно: выходит, и царская наука морю и живности, в ней живущей, внимание уделяла. Работала для пользы общей, народной получается. И сейчас работает для общего блага. Значит, не всё там, в том режиме, было прогнившее и бесполезное. Повнимательней надо быть, как бы в запале дров не наломать. Если польза есть, зачем ломать? Подправить, озадачить, кадрами надёжными обеспечить — и пусть далее работает. Кому плохо?

15

Троль

В доме горит свет, на улице почти ночь. Виктор видит себя в оконном стекле, как в зеркале. Соглашается — зрелище, скажем так, не очень. С удивлением констатирует: дома одному не страшно. И на улице не страшно. И в окно смотреть не страшно — и со светом, и без него. А вот если жалюзи опустить, нехорошее чувство зарождается: кто-то через щёлки пытливым и недобрым глазом... Потому он и не опускает.

В мозг осторожно пробираются и медленно вкручиваются нездоровые мысли. Может, авария — медикаментозный сон или кома... Может, приступ сердечный или с капиллярами что случилось — застрял тромб, не питается мозг... И тогда всё происходящее — это не наяву, это всё плод больного воображения. Сделают ещё укол-другой, пройдёт немного времени, кризис минует, и он проснётся, ударит свет в глаза, как тогда, давно, после операции, и он постепенно начнёт возвращаться в реальный и не такой уж, как он теперь понимает, тяжёлый и безрадостный мир... Виктор очень хочет заснуть — не получается. Где-то было снотворное. Но алкоголь и снотворное — паршивый союз. Он закрывает глаза, считает, пытается окунуться в детские воспоминания, прокатывается волна лёгкости, он слабеет и не может пошевелинуться, что-то пытается доказать отцу, которого давно нет, он не понимает, что его нет, и говорит с ним, как с живым. Он верит: сейчас, ещё немного и будут получены ответы на все без исключения вопросы, но отец разворачивается, медленно уходит, и со спины — это уже кто-то другой, чужой, случайный. Виктор уже гладит большую собаку, которой у него никогда не было, она слегка покусывает ему пальцы, язык мокрый и прохладный. Стоп! Почему светло? Светло, потому что утро. А он опять не спал, он опять разбит, и силы вытекают, как из старой ржавой бочки, через многочисленные и не поддающиеся ни счёту ни латанью дыры.

Виктора бросило в холод, затем в жар. Холодный липкий пот — уже норма. Печёнка, точно печёнка — не выдерживает. Вспомнил! Он вытер ладонью лоб и рванул к книжной полке. Ноги — как ватные, чуть не потерял равновесие, качнулся, удержался. Схватил последний пакет, достал бумаги. Какой к дьяволу клад? Тот служака тогда, на похоронах Васькиных, сказал: запомните номера сектора и захоронения. Это на случай, если кто-нибудь через время пожелает посетить могилу товарища или позаботиться о ней. Вот так — Васька перестал быть Васькой, он стал

номером. Когда поминали, кто-то перебрал и громко, навязчиво об этом говорил. Кто? Какая теперь разница.

И что же получается? А получается кладбище № 4, далее этот, как его, сектор, затем номера могил. Свидетельств два — значит и могил должно быть две. А может, там и есть клад? С ума можно сойти! Ещё как можно. Но это всё — пока только предположение. Надо проверить. Как? Поехать и проверить. А зачем мне это? Поток сознания бил и грел голову, как мощный гейзер.

Виктор хотел выпить кофе, побоялся — давление. Проглотил рюмку коньяку, добрёл до холодильника, отхлебнул из бутылки холодной колы. Будь оно всё проклято! Вызвал машину. Ехали по хорошо знакомым улицам, они казались Виктору чужими. Возникло яркое чувство отрешённости. Подумалось: если сейчас остановить машину, выйти, громко крикнуть: «А вот и я, во всей мой великолепной красе!» — то этот кажущийся сейчас таким светлым и родным мир не примет. Почему? Не примет и всё. Дома, окна, витрины, светофоры и, главное, люди проплывали, как в замедленном кино, снятом из окна уходящего поезда, где перрон и вокзал заменял этот спокойный, живущий своей размеренной жизнью мир — без нелепых тайн и причудливой и пугающей смеси чувств страха и вины.

Водитель скрывал своё настроение, но посматривал явно недружественно. Ну и чёрт с ним! Когда Виктор обозначил вектор поиска, то проверенный в лихих ночных прогулках водила втянул голову в плечи и опасливо поёжился. Но нашёл быстро — из таксистов, а эти, если опытные, все знают, что угодно найдут. И этот нашёл. Кладбище затрапезное, хотя не старое. Действительно, номер четыре. Взять с собой водителя? Нельзя, сдаст или ещё как напакостит, в любом случае — глаза, уши, затем разговоры. Разговоры? Их уже столько...

Пошёл сам. Поймал какого-то бомжеватого господина, дал ему пять долларов — других денег не было, тот сопровождал. Довёл, показал пальцем и свалил, исчез, испарился, словно его и не было. А может, его действительно не было? Виктор отметил: последнее время теряется граница между тяжёлыми рождёнными воспалённым мозгом снами и деформируемой тем же воспалённым мозгом реальностью. К врачу, что ли? Прийти вот так просто, сесть перед ним, нога на ногу, скорчить страдальческую рожу и рассказать — всё, ничего не утаивая. Интересно, сразу в психушку или дослушает до конца? Наверное, дослушает: интересно же и полезно, особенно, если собирает человек материал для диссертации. Хотя, говорят, теперь их, диссертации, просто покупают.

Вот она. Могила довольно свежая. Ни оградки, ни памятника, ни креста. Холмик, венки, цветы, как веники. Колышек с номерком. Всё правильно: № 87. Как этот бомж, гражданин вселенной сказал? Отсчёт слева направо. Следовательно, вторая могила — направо. Ну, а пока — смотрим. Не удивляет, совсем не удивляет. Кокошкин, и на этом венке тоже Кокошкин, и на этом — опять он... А кто там ещё мог быть? Всё ясно. Дальше что? А дальше топаем вправо, уважаемый Виктор Фабрикант.

В голове шум, во рту пересохло, ноги плохо слушаются. Виктор шёл и старался не смотреть на могилы. Никогда такого раньше не было — страшно, просто по-человечески страшно. Как всё просто: был, а теперь нет. Нет и всё, нет вообще, всё есть, а тебя нет. Даже не верится как-то. Но когда смотришь, верится, ещё как верится. Вот она сто двадцать вторая. Вот он и Бергер — так и сорвалось — родимый. С каких это пор он стал родимым? С недавних. Совсем недавних. Верно, всё верно. Оба — покойники. Стоп. Не злая это шутка, не подлый розыгрыш. Это — чума, безнадёга.

Виктор чуть не заблудился, когда шёл к выходу. Поплутал, но выбрал. Пошёл к машине. Водитель отворачивался, а если и смотрел прямо, отводил глаза. Прячет — может, задумал что? «Домой!» — кратко и, насколько смог, мягко скомандовал Виктор.

Водитель кивнул, тронулся. И тронулся резко как-то, неуважительно, небрежно. Ну и чёрт с ним! Вкралась мысль: «А может, он из этих — из заговорщиков? Или работает на них?» Виктор попытался себе представить, хотя бы в общих чертах, предполагаемых заговорщиков. Не получилось. Блуждали на воображаемом экране какие-то серые фигуры, лиц не видно, ниндзи какие-то...Всё равно выкарабкаюсь, всё равно выкарабкаюсь — такая вот тяжеловесная мысль заполнила вспухшую голову.

Дом, крепость, обитель, цитадель... как там ещё? Не хочется туда. А куда ещё? У Виктора спонтанно родилась мысль — прогуляться. Выйти из машины и пройти не спеша пару километров пешком, как он это совсем недавно легко и радостно делал. Он помнил это состояние: вдох-выдох, вдох-выдох, и всё было — чёткий счёт шагов, ясные мысли и смелые планы.

Уже хотел дать команду, но не решился. Понял: не дойду. Просто не хватит сил. Ноги подкосятся, заплетутся и — на асфальт. Пока сидишь — в машине, в кресле — вроде нормально, но долго идти не получится, потому — никаких прогулок. Рано ещё посреди улицы валяться. Если сейчас рано, следовательно, вот-вот и придёт время? «В чём я виноват?» — таким вопросом задался Виктор. Ответа не было.

Виктор отпустил машину, открыл роскошную, уже слегка облезлую калитку и пошёл по дорожке к дому. Подумал: может, всё же поехала, уже поехала крыша родненькая? Ведь страшно! А почему в доме этом здоровенном не страшно? Дом — крепость? Какая к чёрту крепость. Попытался сконцентрироваться и с огромным усилием выдавил из себя вывод: опасность — иррациональна, она не несёт физической угрозы. Обстоятельства изматывают его, толкают к пропасти. Но ведь обстоятельства не рождаются сами по себе? Грешил? Конечно, но не больше других, скорее — меньше. Что тогда?

Миновал некогда радовавшую глаз тропинку, вымощенную толстым пластовым камнем. Несколько камушков — одному поднять не просто он сам положил. Основу для укладки тропинки сделали солидную, но от применения раствора Виктор отказался. Засыпали щели между глубинным

песчаником песком, и что удивительно, через время появились среди камней небольшие ростки, а вскоре потянулась к теплу и Солнцу весёлая трава. Сторонник строгого дизайна рекомендовали прочистить тропинку от сорняков. Виктор траву не тронул.

Подошёл к двери, и как током ударило — почта! Вернулся. Открыл ящик — так оно и есть, пакет. Начальник, тебе пакет! Интуиция подсказывала — опять сюрприз. И опять — как током: почему я ни разу не посмотрел обратный адрес, ведь там написано что-то, и штамп стоит. Почему? Потому что подсказал тот, кто сидит внутри, ещё не одуревший от всей этой напасти: нет смысла смотреть и искать в этом направлении, фикция там. А вдруг наводка какая найдётся? Не найдётся.

Зашёл с пакетом в дом. Не раздеваясь, не разуваясь, прошёл в комнату. Посмотрел. Да, можно было предположить, но как такое предположишь. Виктор жадно отхлебнул из дежурной бутылки. Обратный адрес — его адрес. А как же почта приняла? А им-то какое дело? Они и не смотрели, наверное. А если бы и увидели? Оплачено — доставили. А зачем вообще почта? Можно подойти и бросить в ящик без всякой почты. Мрак.

Разрезал пакет. Вытряхнул на стол. Упала одна бумажка, на ней что-то напечатано. Заглянул в пакет — пусто. Рассмотрел послание. Так, так, так. Новое что-то. Те — покойники. А этот? Включи мозг, включи мозг. Повертел бумагу. Больше ничего. Линия не выстраивалась.

Так, так... А причина смерти? Тех — двух. Достал прежние пакеты, аккуратно извлёк свидетельства. Ясно. Что значит повреждения, не совместимые с жизнью? Авария? Убийства. И в этот момент Виктор понял: убийства. Эти люди убиты. И он получил на свой счёт деньги «за хорошую работу», как и написано в послании. Так что: «Я их убил!» От этой мысли Виктор аж присел, словно на голову и плечи судьба опустила ему совершенно неподъёмный груз. Дни, дни, я же проверял дни, когда они умерли. Где я был в это время. Не помню, не знаю, ничего не могу сказать. И почему дата смерти должна совпадать с датой совершения преступления. Какого преступления? О чём это я? Так, именно так — я думаю об убийстве и о том, кто их совершал. Деньги пришли мне, значит... Нет, этого не может быть. Если я, то зачем мне это? Как зачем — деньги, деньги...

Виктор сделал большой глоток, от души, от всей души. Горячая волна проскочила от желудка к голове почти мгновенно. Раздвоение? Может же быть такое? Один близится к банкротству и пьёт со страху, от безысходности коньяк. Другой тупо убивает и ничего не помнит. Нет, не тупо. Если деньги приходят, значит, кто-то за этим всем стоит. Заказчик? Если есть заказчик, то я — исполнитель, киллер.

И — последнее письмо. Почему последнее? Не надо пока ничего последнего. Последнее из имеющихся. Как здесь быть? Намёк? Надо же что-то делать, надо бороться? Надо хотя бы обозначить сопротивление. Сказано: боги помогают тому, кто не сдаётся. Где они, мои боги? Стоп, почему во множественном числе? Это у язычников. Я — не язычник. И я — не киллер. Я не хочу быть убийцей — вольным или невольным!

...Первое, о чём подумал Виктор следующим утром, это об особенностях собственной памяти. Он помнил почти весь предыдущий день и даже яркую попытку сопротивления. А вот дальше — туман. Что делать? Но и кто виноват, не известно. Он, как загнанный зверь, бродил по комнате. Помощь? Откуда? От кого? Как я смогу всё это рассказать — о фирме, о пакетах, о свидетельствах, о могилах, убийствах... Сразу упекут. Куда? В тюрьму? В больницу? Кто ж будет лечить кровавого убийцу? Хрен редьки не слаще. Как хочется редьки, с постным маслом... Надо подлечиться. Не пора ли на водку перейти? Может, и пора, но пока — коньячок. Нельзя, но надо, необходимо. Иначе — умру сегодня. А если подлечиться, может, — завтра, словом — позже. А это уже не сегодня.

Если меня пугают, почему нет телефонных звонков? Ведь так просто. Номер — не тайна. Даже попыток нет. Но я буду звонить, я буду бороться. Такой поток сознания нёс в правильном направлении, но действий разумных, спасительных не подсказывал. Привёл себя в порядок, съездил в офис. Старался на глаза никому не показываться. И кому показываться? Почти все разбежались. Звонил, ругался, посылал, что-то делал. В голове прояснилось. Опять кофе, опять сердце выскакивало.

В районе обеда проверил счёт — деньги. Формулировка — та же. Поехал, часть снял. Почему не всё? Невозможно ответить на этот вопрос. Мог снять и всё, но не снял. Вечером опять звонил, шумел. Даже стало легче. Падение не может быть бесконечным, рано ещё, рано. Должна быть остановка, и вот тогда может обозначиться всплытие.

Очень хотелось, чтобы почта больше не приходила — вообще.

Но круг замкнулся довольно быстро. К такому выводу он пришёл, получив очередной пакет. Информация, содержащаяся в нём, была лаконична. Всё, этому противостоять невозможно. Теперь осталось только одно. «Прекрасный конец для Виктора Фабриканта!» — так он сказал, глядя в тёмное окно тёмной комнаты. Завещание? А что? Долги? А кому? Некому. А если подумать? Всё равно — некому. Если некому, надо придумать. Не может такого быть, чтобы никому на белом свете ты не был нужен. Предположим, может. Но уж такого, чтобы тебе никто на этом белом свете не был нужен, вот этого быть не может. Не может — и всё!

16

Морское танго

Мария Сикорских недолго искала заинтересовавшего её живописца. Жил он в бедненьком домике на окраине посёлка с матерью, старшими сестрой и братом. Предварительно вездесущие соседи сообщили: мальчик заболел в прошлом году. «Что значит — заболел?» — уточнила Мария. Был, как все — шустрый, смыслёный, играл, баловался... Но однажды исчез. Мать, соседи обыскались, думали, утонул.

Нашёлся мальчишка на следующий день. Сидит на берегу моря, камушки перебирает. Вроде — радость, но не тут-то было — мальчик дар речи потерял, бормочет только что-то невнятное, мычит... Где он прятался,

где пропадал, кто ж его знает. Сам он рассказать не может, да и не помнит, наверное — помутился разум-то... Никого, и мать, родных в том числе, не признал, со временем только дичиться перестал, улыбаться начал. Дома сидел, выйти — ни в какую, затем отошёл немного, стал по посёлку гулять с сестрой или с матерью. Со временем что-то лопотать начал, но понять его... Хотя и болезный, но не злой, временами только шумный, даже припадочный становится, жалко мать.

А почему живописец, так это все знают. Возле художников приезжих крутится. Но не любят его. Подойдёт тихо сзади и наблюдает, как художник работает. Мог бы и часами глаз не отводить. Но кому такое понравится? Гонят его. Он отходит и всё равно без скромности всякой и стыда пялится. Ему и сладости предлагали, и монетки мелкие — не берёт, только смотрит и смотрит. Потому и прозвали живописцем. Звать его Санькой, а мать его Евдокия, Дуся, солдатка, не дождалась...

Домик частью каменный, частью деревянный. Евдокия, видимо, была уже наслышана о гостях, и объяснять ей, что такое ЧК, необходимости не было. Встретила без радости особой, Мария не удивилась. Вручила «гостинцы детям» — сахара, бубликов. Хозяйка подобрела, пригласила в маленькую комнатку. Разговор не вязался. Мария имела крайне поверхностное представление о местном быте и боялась допустить какую-нибудь несуразность. Евдокия осторожничала, но когда Мария обмолвилась, что воевала, неожиданно и непонятно оживилась. Возможно, подумала Мария, упоминание недавней войны ассоциировалось в её сознании с потерянным мужем, и любой человек, в этой страшной беде участвовавший, был частицей его размазанного временем образа.

Марии нужны были детали исчезновения мальчика и она боялась, что предложенная тема вконец отпугнёт замученную жизненными обстоятельствами мать. Но Евдокия отнеслась к заданным вопросам терпимо. Новое она ничего не сказала, однако добавила странную деталь. Когда Саньку нашли, сидел он на берегу моря на камне и кому-то приветливо рукой махал. Ни на берегу, ни в море никого не было. А когда мать, соседи подошли, посмотрел на них глазами пустыми, с досадой, словно помешали ему. Тогда и закралась в душу тревога...

— А у тебя детки есть? — спросила хозяйка.

— Нет, — слегка растерялась Мария, — пока нет.

— На сносях что ли? — в глазах загорелось живое женское участие.

— Нет, нет, — смутилась Мария.

— А ты не красней, — неожиданно продолжила Евдокия, на смену неловкости и тревоге пришла уверенность. — Молодая пока... Вон, какие мужики возле тебя... Командиры, начальники. Я хоть и одна и вот с Санькой такое, но как посмотрю на них, деток моих, как будто просыпаюсь от тяжкого сна, оживаю...

Марию смутил такой поворот беседы, она отметила про себя, что совершенно не умеет вести женские разговоры. Уже в который раз она выстроила внутренний призыв: надо постараться, нет — заставить себя

быть женщиной в большей мере, чем есть сейчас. Как это сделать, она не знала, посоветоваться было не с кем, но менять своё отношение к жизни, выйти из состояния существа среднего рода было необходимо... Евдокия её выручила:

— Ладно, смотри, время оно... такое, думай. Мальчонка мой тебе на что? Ты не доктор?

— Нет, не доктор, но, может стану. Не доучилась я.

— Может, подскажешь что?

— Не знаю, может, и подскажу. Где он?

— С сестрой гуляет.

— А дома... Делает что-то, играет?

— Малюет всё. Ему художник один карандаши подарил, бумаги дал. Дорогой подарок. Вот он и малюет.

— А посмотреть можно? — спросила Мария.

Евдокия не удивилась и сказала:

— Смотрели уже люди понимающие, говорят способности у него, учиться ему надо. А как тут учиться?

Евдокия отлучилась, принесла и положила на стол аккуратную стопку бумаги. Рисунки были выполнены в карандаше. Мария заранее настроилась на то, что ей будут предложены недетские работы. Но её предварительный настрой оказался недостаточным. Удивительно образные, как живые, как в жизни, виды, запечатлённые больным мальчиком, поглотили её. Чайка, сидящая на волне, свернувшаяся калачиком собака-дворняжка, большая волна, готовая обрушиться на берег, девочка с венком на голове... Удивительно, подумала Мария. «Сестра это, вон как нарисовал, глаз не оторвёшь», — с нежностью сказала Евдокия.

Мария замерла. С листа бумаги на неё смотрел сказочный дракон. Глаза, лапы, мощный хвост — всё детально прописано. Она, чтобы не обижать мать, не спеша перебрала все рисунки. Нашла ещё три таких же дракона, изображённых с разных ракурсов. Странно, подумала Мария, видно, постоянные мысли о морском гаде, земных чудищах и позволили мне слышать тем утром в невнятном бреде мальчика слово «дракон» и даже «страшный дракон».

— А это что? — тихо спросила Мария.

— Да кто ж его знает... Чудище какое-то из сказки. Может, рассказывал кто, может, в книжке прочитал или увидел. Он же грамоте учился, недолго, правда. Я спрашивала, понять его трудно, сдаётся, драконом называет...

— Можно я возьму один? — спросила Мария.

Евдокия смутилась, но долго не раздумывала.

— Бери, если надо. Он ещё нарисует...

17

Троль

Я вспомнил. Иван вскользь сообщил: ему надо восстановить какие-то данные из украденного блокнота. Если надо восстановить, значит, действительно данные важные. О чём конкретно идёт речь, он рассказать мне не удосужился. Но я — тоже, так сказать, участник процесса, моё мнение тоже имеет вес, должно иметь. Выходило, что не имеет. Я помнил: блокнот пропал на озере. И ещё: было краткое упоминание о некой суровой личности, объявившейся на берегу. Возможно, и живёт там отшельник — мечтатель или вконец опустившийся бродяга. Но зачем ему блокнот с важными служебными данными?

И тут я предпринял беспрецедентный по решительности и креативу шаг. Позвонил Глебу, напомнил, кто я такой, и предложил поехать на озеро и посмотреть, что там к чему. Я был почти уверен, Глеб откажется, по меньшей мере, начнёт задавать огромное количество вопросов — по моему, он опять был слегка навеселе. Но он мгновенно согласился. Я подъехал, забрал его возле дома, и мы направились на озеро. Глеб действительно малость принял, но определить границы этой малости было трудно. Во всяком случае — вполне вменяем.

Я пояснил: «Хочу найти бродягу, выяснить насчёт блокнота и вообще посмотреть». Глеб в ответ отпустил замечание философского толка: «Бродяга, возможно, есть, блокнота, скорее всего, в первоизданном виде нет, а всё, что касается «вообще», мне нравится». Глеб — наш человек, такой я сделал вывод.

Не смотря на довольно мрачный внешний вид, Глеб был человеком открытым, широкой души. Он никогда не начинал разговор первым, но если инициатива исходила от потенциального собеседника, включался в разговор вполне адекватно. Мы немного поболтали, немного посмеялись, обсудили творческий аспект — Глеб сообщил, что его роман близится к завершению. Я неосторожно поинтересовался: и что же дальше? На что Глеб ответил: этого никто не знает, даже Иван. Прозвучало весомо, и я понял: роман вряд ли будет издан. Смагин был в глазах Глеба человеком сильным, талантливым, богатым и удачливым. И уж если он не знает, то кто тогда может знать? Никто.

Я читал отрывки романа, понравилось. Полную картину сложить трудно — для этого надо ознакомиться со всем материалом, но предложенные мне фрагменты впечатлили. Поначалу герои не вызвали у меня симпатии: какие-то они надломленные, недоделанные. Но действуют решительно, в жизни такого, наверное, не бывает. Я тогда осторожно поделился своими сомнениями с Глебом. Он спорить не стал. Лишь сказал: в жизни именно так и бывает. И добавил: когда риск становится реальным, земля под ногами не дрожит, а проваливается, когда нет стороннего наблюдателя, и хлопать в ладоши или освистывать некому, тогда и выходят на арену эти недоделанные и делают всё возможное и невозможное,

что доделанные сделать не смогли или не захотели. Я помню, посмотрел он на меня тогда странно — тяжело и бескомпромиссно. Я ему поверил.

Дорога была привычная, скучная. Понимая, что не совсем к месту, я всё же продолжил тему романа — поинтересовался: а почему фантастика? Глеб поморщился, глянул на меня, и я прочёл в его глазах внутренний вопрос: стоит ли продолжать? Видимо, мой бравый вид вызвал коммуникативное доверие. И он сказал: «В мире есть много вещей, которые фантастичнее любой фантастики, но были бы они таковыми без фантастики?» Я подумал и согласился с ним — ответ был исчерпывающим.

Раз уж разговор клеится, подумал я, почему бы мне не поинтересоваться одной пикантностью из жизни Ивана. После противоречивых раздумий я наконец решился и спросил напрямую об Иване и Машке: не долго ли тянется этот другой — странный и длинный роман? Глеб улыбнулся и снисходительно посмотрел на меня. «Вообще-то ты, вроде, нормальный парень...» — польстил он мне. Подумал и продолжил: «Он к тебе привязан, верит тебе, но всё равно не скажет... А дружите вы давно... Нет там романа. Во всяком случае того романа, о котором ты думаешь. А в том романе, о котором ты не думаешь, героев больше». Я подождал. И дождался.

«Иван хорошо знал мужа Машки, они дружили. И случилось так, что муж её наступил на мину. Ему оторвало ногу, Иван был почти рядом. Он упал и был ещё в шоковом состоянии. Посмотрел на ногу, сказал нашему общему другу: пока, Иван, теперь осталась только Машка... Передёрнул АКС и застрелился», — рассказал Глеб. Рассказал так просто, обыденно. Я опешил, и, понимая, что длинная пауза может стать совершенно не добавляющей моменту, спросил: «Ты знал его, мужа?» «Немного, встречались пару раз», — ответил Глеб. «А Машку?» — задал я ещё вопрос. «Нет, её я не знал, — ответил Глеб. — Я и сейчас её не знаю. Я только о ней знаю».

Передо мной словно дверь открыли. Ту дверь, в которую долго стучался и за которой надеялся увидеть до поры запретное, но непременно что-то светлое, интересное, ни в коем случае не болезненное. А оттуда, из-за двери, таким холодом потянуло. Достучался!

— Понял? — спросил Глеб и, не дожидаясь ответа, добавил то, чего можно было и не добавлять: — Надеюсь, ты понимаешь?..

— Понимаю, — ответил я.

Когда мы въехали в приозёрную деревеньку, Глеб предложил посетить местный магазинчик. Я догадался, зачем, и потому не стал докучать дополнительными вопросами. Остановились, Глеб зашёл. Пробыл он там недолго, но значительно дольше, чем требовалось для приобретения небольшой симпатичной бутылочки, которую он держал в руке, выходя из магазина. Глеб сел в машину. Я присмотрелся — коньячок. Глеб поймал мой слегка осуждающий взгляд и прокомментировал: «Безумие — двигатель прогресса!» Не без вызова открыл бутылочку и отхлебнул из горла и, морщась, сказал: «Отлично! А вот водку так не могу, не научился! Эстет!» Я проинформировал: у меня есть стакан. «В лесу — стакан? Дру-

жище, я могу в вас разочароваться...» Я не хотел стать причиной разочарования и закрыл тему. Глеб оценил моё гордое молчание уважительным взглядом. Затем достал из кармана ранее мной не замеченную бутылку водки. На мой взгляд, это был перебор. Мнением Глеба по этому вопросу я не поинтересовался.

Мы подъехали к месту, где, судя по словам Ивана, он стал жертвой подлого грабежа. Вышли. Если встать лицом к озеру, справа — деревня, слева — лесок вперемежку с густым кустарником. Глеб подошёл к воде, присел на корточки, поставил бутылочку на землю, сполоснул руки, резким взмахом стряхнул воду, взял бутылочку правой рукой, встал, отхлебнул, махнул свободной рукой и по-командирски поставил задачу: «Ищем малую архитектурную форму, предположительно шалаш. Сделан из листовых веток, в качестве крепежа использовалась верёвка бельевая, розовая, сверху — полиэтилен, закреплённый прищепками. Объект — потасканный мужичок среднего роста в новом, но потрёпанном спортивном костюме «адидас» и таких же кроссовках. Имеются рыболовные снасти — удочки. Ловить не умеет. На запойного интеллигента не тянет — слишком шустр, и глаза бегают. Предварительный вывод — взбесившийся от ужасов капитализма мелкий буржуа...» Я посмотрел на почти опустевшую бутылочку и подумал: «Что-то быстро повело. И сильно».

Мне стало немного не по себе. Глеб зафиксировал моё состояние, не стал нагонять туману и пояснил: «Полная и исчерпывающая информация получена в магазине. Водка — для него, ключ к переговорам». Глеб усмехнулся и, сказав «форвертс» и прихватив бутылку водки, двинулся в кустарник. Я последовал за ним, и хотя ситуация была почти анекдотичная, спросил: «Насчёт вооружения ничего не говорили?» «Нет — только кухонный нож и топорик. Вещи, доложу я вам, в умелых руках очень даже полезные и, если очень надо, опасные!» По поводу рук незнакомца и степени их умелости я интересоваться не стал — вряд ли такую информацию могли в магазине выдать. Но не хотелось, чтобы они были умелые.

Вдоль озера были вытоптаны несколько тропинок. Мы шли по той, что шире. Конечно, лучше было бы пустить здесь цепь солдат, подумал я, тогда бы операция имела стопроцентный успех, но постараемся справиться собственными силами. Собственные силы двигались по тропинке недолго — минут пятнадцать. Хорошее рыбацкое место, кострище свежее, тычки в воде, но это не главное — такой прелести по берегу полно. От места шла узенькая дорожка в кусты, и там сквозь листву просматривался шалаш.

Глеб остановился и предостерегающе поднял руку. Я замер. Что-то мне не хотелось штурмовать этот бастион. Но Глеб ничего штурмовать и не собирался. Он лишь громко сказал: «Эй, дружище! У тебя стакана нет? Трубы горят!» — и помахал бутылкой водки, демонстрируя её во всей прелести невидимому собеседнику. Удивительно устроен наш мир, это были воистину волшебные слова. Не прошло и десяти секунд, как из кустов неровным шагом выбрался с раскладным стаканом в руках описанный ранее господин. Он протянул стакан и спросил:

— Вы за мной или ко мне?

— Мы — мимо, — заявил Глеб, ловко открыл бутылку, налил в стакан и протянул нашему герою.

Глаза действительно бегали, человек был явно нездоров. В конце концов, мы не доктора, у нас своя цель. Отшельник лихо осушил стакан и вытер ладонью губы. Глеб достал из кармана коньяк, допил, бутылочку поставил на землю.

— Тебя как величать? — спросил Глеб.

Отшельник задумался и отрекомендовался:

— Декарт. Я всё ставлю под сомнение. И реальность вашего появления — тоже.

— Мы — настоящие, — уверенно сказал Глеб и несколько раз искусно стукнул себя указательным пальцем по горлу, при этом громко прозвучал специфический и близкий сердцу сигнал.

Незнакомца столь убедительное подтверждение реальности происходящего убедило. Начало было многообещающим. Даже то, что собеседник был изрядно пьян, не оправдывало столь возвышенное вступление.

— Всё ставить под сомнение нельзя, — продолжил философский аспект беседы Глеб. — Тогда можно поставить под сомнение своё собственное существование и тогда мы, ваши гости, не сможем существовать даже в вашем воображении.

Я сделал два вывода. Первый — ответ достойный. Второй вывод представлял собой вопрос: кто же из них пьянее?

Декарт взвешивал тезу довольно долго. Он напрягся, потом, как я понял, сбился с мысли и с надеждой посмотрел на стакан в своей руки.

— Надо развить успех, — весело заявил Глеб, — давайте, уважаемый Картезий, стакан.

Наш новый друг почему-то посмотрел по сторонам и не найдя более никого, кто бы мог именоваться Картезием, подготовил стакан к наполнению. Эрудицией отшельник не блистал, но, видно, жизнь его была насыщенной, и чему-то всё-таки научила. Глеб налил. Декарт выпил, встряхнулся, лёгкая реакция пошла в ноги. Но он пытался держать себя достойно. Посмотрел на пустую коньячную бутылку на земле и не без требовательности в тоне заявил:

— А себе?

Я мысленно отметил, что алкоголь обладает удивительным качеством: вот так, почти мгновенно и плодотворно, связать духом солидарности и эмпатии две склонных к его употреблению души... Поразительно! Я, как лицо, не относившееся к этой славной когорте поклонников зелёного змия, был вообще не замечаем — меня не было, я для них не существовал. На кой им это инородное тело из другой вселенной? Глеб отрицательно покачал головой. Декарт изобразил удивление. Глеб почесал лоб, взял у Декарта протянутый стакан, налил немного себе.

— Закусить? — запросто спросил Глеб.

— Айн момент, — сказал Декарт и изобразил руками что-то большое, возможно, скатерть—самобранку, и неуверенно развернувшись, удалился в кусты. Глеб поставил стакан и бутылку на траву, пошёл за ним. Были они там недолго, вышли обнявшись. Декарт нёс полбулки хлеба, Глеб держал в руке блокнот. Присели на траву, выпили. Обнялись. Глеб отстранился и спросил:

— Дружище, может с нами, домой, на большую землю?

— Не могу, — ответил засыпающий отшельник, — город прогнил, он несёт страх и непонятку, мне там плохо, мне — здесь хорошо. Я здесь останусь — навсегда.

— Серьёзное заявление, — промолвил Глеб, — а как насчёт холодов? Зима?

— Холодов не будет.

— Это почему?

Декарт осмотрелся по сторонам и шепнул Глебу на ухо:

— Я так решил.

— Ну, тогда, — сказал Глеб с уважением, — всё в наших руках. И добавил, показывая собеседнику блокнот: — Подаришь?

— Не могу, — сказал Декарт извиняющимся тоном, — сам украл.

— Красть нехорошо, — Глеб был сама назидательность.

— Знаю, — слегка раскаиваясь, сказал Декарт. — Но я был вынужден. Понимаешь — вынужден! Там какие-то знаки, иероглифы, майя всякие, там тайна. А мне нужна тайна, она меня окружила, подчинила и загнала сюда. Меня хотят загнать в угол, запутать, но я этого не хочу, и это сложное противоречие... сам понимаешь.... Мне здесь лучше, чем там. — Декарт неопределённо махнул рукой, показывая, где это «там».

— Чэйндж? — предложил Глеб и указал на водку.

Декарт посмотрел, оценил количество горячительного напитка и к моему удивлению не стал сопротивляться:

— Идёт! Хотя бартер не одобряю.

— Ну, это концептуально. А в данном конкретном случае?

— Идёт, лады, а то мне в эту деревню идти...

Оставалось только попрощаться. Что мы и сделали. Перед уходом Глеб отвёл мыслителя в шалаш и уложил спать. Водку расположил на видном месте и надёжно — что б не опрокинулась.

Морское танго

Получается, этот змий или гад охотится на дельфинов. И не такой он огромный, как бабки говорят. Не может он его проглотить или пополам перекусить. Змея — она неразумная, добычу хватает иногда такую, что диву даёшься: съесть не может, так как сама малая, но вцепится и держит, как упрямая собака. Странно другое: змея заглатывает, а этот вроде как кусает и рвёт. Так повадки крокодилов заморских описывают. Но откуда тут крокодилу взяться? И те на лодке? Одного на берег вынесло. Где остальные? Не съел же он их. Лодку мог ударить, перевернуть. Рыбаки сказывали, случалось такое. Только кто ж им поверит? Спяну и не такое почудится... На берегу оно всё видится иначе.

Тот же кот или собака голову рыбою не любит. Дельфин, он, конечно, не совсем рыба, это понятно. Но как тогда его назвать? Учёные головы, что на станции, мудрят, то ли в шутку, то ли всерьёз морской свиньёй называют. Можно и так, конечно. Но рыба, она и есть рыба. И гаду этому хороший кусок с хвоста вполне мог бы сгодиться. Но сомнительно — не возьмёт падаль: вон здесь свежатины сколько. И вдруг всё-таки винтом свинью эту морскую порезало? А я мудрю... Может, проще и надёжней не крупное что-то насадить — пару лобанов живых, и так насадить, что б живец был привлекательный, аппетитный. Так и будет.

Дед Михаил много слышал о подводных пещерах, камнях драгоценных. Сказки всё это, не до того ему было. И сейчас покоя нет — прокормиться бы. Пещеры, конечно, есть: где скалы у моря — там и пещеры. Только алмазов или изумрудов там никаких нет. Если были, тут бы давно такое началось... А яшма и другие каменья — в избытке. Только что с них проку? Приезжие только и могут купить — у них, у городских, деньги водятся. Да и умением надо обладать недюжинным, чтоб сделать из такого камня радующую глаз диковинку, тут столько труда надо.

Где грот этот, что Кирюху напугал, дед знал, и бывал в нём. А вот что там случилось — задача. При чём здесь змий? Если только ход есть какой подводный в пещеру с моря. Может, и есть. И что он вот так выскочил из воды и на людей бросился? Это уж слишком. Ври, бабка, да не завирайся. Не поделили что-то, покричали, побились, может, и пошли дальше делом своим тёмным заниматься. Жить-то надо как-то. И лодка их куда делась? Она ж у грота должны быть? Нема её. Тоже гад утащил? Они всё поладили и уплыли.

В плохую погоду Карадаг недобрый. Это в плохую. Но когда солнце — глаз радуется. Сейчас не до красот. То пусть приезжие смотрят и радуются, затем они сюда и едут. Дед осмотрелся по сторонам, что-то в уме прикинул и решил: здесь!

Он закрепил на впечатляющем размерами крюке двух лобанов средних размеров, припрятанных от утреннего улова, добавил груза, чтобы не сносило, и осторожно опустил довольно громоздкую снасть в воду. Наживка быстро пошла ко дну, исчезла в темноте. Дед осторожно

перебирал канат с палец толщиной, пока тот не обмяк. Всё — легла. Он подгрёб к берегу, верёвки хватило, как и прикидывал. Довольно ловко выскочил из лодки, подтащил её рукой, поднатужился и протянул ещё — теперь надёжно.

Закрепил в расщелине толстый металлический штырь — если вырвать, только с горой. Пошёл к лодке, прихватил кусок каната-леса, выбрал слабинку и собрался, было, закрепить конец на штыре, но замер, передумал: надо оставить запас, если возьмёт, пусть походит: надёжнее заглотит. Так и сделал. Дед плохо понимал, что такое наивность, романтизм, но вёл себя именно так. Надежда поймать гада, конечно, была. А дальше что? Понятно, что вытащить его возможности нет, если только хорошо вымотается, устанет. Да и зачем его вытаскивать? Поймается и путь сидит. До дома не так далеко, помощники всегда найдутся. И чекисты останутся. Ведь гада этого они ищут! Что ж ещё? Всё вынюхивают. Спокойней без них будет.

Долго ждать дед не собирался — до вечера и домой. А снасть пусть лежит всю ночь. А там посмотрим. Рыба насажена ловко — долго продержится. А вот если хозяйка узнает, что он добычу вместо стола на прожекты пускает, вот тут не поздоровится — и чекисты не помогут. Кирюха может проболтаться — догадался он, смышлёный. Но ведь и худого здесь ничего нет, если трезвыми глазами посмотреть.

Ну, напала на старого человека блажь на старости лет, с кем не бывает, годы-то немалые, хитро объяснил своё поведение старый рыбак. Сварганил самокрутку, закурил. Канат натянулся. Дед глянул: штырь загнан в расщелину надёжно. Волна играет. И было у деда сомнение: есть ли гад этих лобанов, может, ему разносолы какие нужны? Кто его знает. Есть захочет — сожрёт, голод он не тётка. Рыбы в море немало, но, её ещё поймать надо. А тут — сам бы ел. Он отвязал канат, увеличил слабинку, закрепил.

19

Троль

Мы приехали к Ивану. Блокнот возвратился к хозяину. Он поблагодарил, но выразил недовольство нашей самодеятельностью: мало ли что могло там, в лесу, случиться. Глеб слегка вздремнул в машине и выглядел бодро. Он молчал, в ходе разговора бросил только одну, но мой взгляд, существенную реплику: «То же мне лес — драные кусты, да пара пней трухлявых!» Иван тут же парировал: «Если там только кусты, то откуда взялись пни?» Глеб посмотрел на него уважительно. Иван покрутил блокнот в руках, сообщила нам, что никаких особо ценных записей там не было, а то, что было и представляло полезную информацию, он восстановил. Мы не очень расстроились, так как в любом случае прогулка получилась прекрасная — интересная, освежающая, душевная.

— А что он вообще там делает, этот мыслитель, — закрывая тему, спросил Иван.

— А чёрт его знает — нравится ему там, да и с головой непорядок. Одиночество, общение с природой располагает к единению с астральным телом, ясности ума, а также поиску и неожиданным находкам того, что даже не терял, — таким был ответ Глеба.

— Ну, видимо, где-то так, — дипломатично отреагировал Иван и затем полностью сменил направление беседы: — Я тут справочку одну навёл... Смагин Иннокентий Юрьевич скончался от инфаркта миокарда.

Я насторожился. Глеб оживился.

Иван на этот раз вёл себя корректно. Нашему вниманию было предложено три новости. Первая — выяснилось, что однофамилец Ивана умер от сердечного приступа в возрасте пятидесяти девяти лет. Не обошлось без комментариев. Вообще-то, это кошмар, в таком возрасте... И надо бы тревогу бить, в колокола звонить. Но свыклись мы, свыклись — никого уже этим мором не удивишь, никого это не вгоняет в состояние морального ступора — дело привычное. Умер и похоронен, известно, где. Кто он? Занимался ремонтом бытовой техники, семьянин, не замечен, не уличён и так далее.

Вторая новость. Действительно, есть и другие телефонные справочники, чему я вообще-то не удивился. У Глеба — новый, на настоящее время последний. Но есть ещё один, изданный четырьмя годами раньше. В нём данных по Смагину Иннокентию Юрьевичу нет, так как договор на абонентское обслуживание был заключён три года назад. А посему звонивший имел в своём распоряжении только лишь одну кандидатуру для спасения, располагая о ней, о кандидатуре, весьма скудными данными.

Третья. Иннокентий Юрьевич умер утром в тот самый день, когда первый раз позвонил таинственный доброжелатель. Если взять за основу версию о разных справочниках, суть ошибки понятна. Не понятно другое. Если звонивший имеет к Смагину Иннокентию Юрьевичу какое-то близкое отношение, то он должен был знать о смерти в числе первых из окружения покойного.

Если даже предположить, что существовал какой-то временной разрыв между фактом смерти и извещением об этом прискорбном случае звонившего, то мы имеем весьма неординарный случай предсказания. Ну, предупредить об опасности — это одно: недоброжелатели, долги, ревность, месть... Но пытаться в такой странной форме предупреждать об инфаркте — это уж слишком. Хотя, конечно, не исключён вариант, что были и опасность, и инфаркт. Это кое-что объясняет. Однако в это «кое-что» совершенно не вписывается второй звонок. Уж к этому времени звонивший наверняка должен был знать о случившемся. И если какая-то опасность, не связанная с шатким физическим здоровьем была, то со смертью фигуранта она миновала. И зачем тогда звонить?

Приблизительно так изложил нам результаты расследования и свои соображения по этому поводу Иван. У меня тоже сформировался свой взгляд на цепь загадочных событий. Вкратце она заключалась в том, что мой друг случайно стал фигурантом всей этой изрядно надоевшей истории, и поэтому, когда связующее звено — однофамилец — разорвалось,

появились основания надеяться, что инцидент с судьбой исчерпан, и желательно обо всём этом в кратчайшие сроки забыть. Иван меня не поддерживал, мало того, опять сменил тему.

— У меня что-то последнее время голова кругом идёт, — сказал он, — впутался я в одно дело... Болото какое-то и опять совпадения. Перестает мне это нравиться.

— А поначалу — нравилось? — спросил я.

— Поначалу — увлекало, и сейчас влечёт, но, по-моему — куда-то не в ту сторону, — довольно туманно выразился Иван.

— Если бы ещё знать, где она, та сторона, — вставил не менее туманное замечание Глеб.

«Если бы, если бы...» — пробормотал Иван. И далее поделился деталями своего очередного дела. Обратился к нему финансовый директор до недавнего времени благополучной фирмы. Генеральный — в панике, в запое, потому он взял эту неприятную функцию на себя. К тому же, как он пояснил, генеральный, скорее всего, именно его подозревает во всех бедах.

Поначалу Иван подумал, что, откровение финдиректора — это версия, элемент игры. Не могут родиться финансовые неприятности без участия финансового директора. Действительно не могут, но и валить всё, не разобравшись, на одного человека — преждевременно, неправильно и примитивно.

Появляется выгодный контракт — перехватывается. Делается предоплата под поставку товара — ни предприятия-поставщика, ни товара. И притом предприятие это — не однодневка, контора с рекомендациями, нормальной банковской историей и главное — проверена двумя-тремя удачными и выгодными сделками. И делается настолько всё изящно и просто, словно тот, кто всю эту схему дёргает за ниточки, сидит на совещании у генерального и аккуратно записывает все намечаемые планы в свой служебный блокнот. Утечка? Понятно. Но каким образом? Если финансовый здесь не при чём, то генеральному, являющемуся владельцем фирмы, на кой это всё сдалось? Себя утопить? Финансовый директор, как это иногда бывает, не валит вину на первого руководителя. Напротив, по его мнению, генеральный до последнего времени принимал вполне логичные решения. Привёл примеры — убедительно! Это логика профессионала, прокомментировал Иван, и она вполне жизнеспособна и оправдывает себя в так называемое мирное время. Но она неприемлема, если против тебя ведётся тайная, переходящая в явную война. И вот этого перехода генеральный не заметил, а когда ему зам намекнул, а затем сказал напрямую, не хотел признавать. Действуя по инерции, как железнодорожный состав, имеющий огромный тормозной путь, он со своей фирмой въехал в неприятности на всей скорости и остановиться не может до сих пор.

Прикинули мы с ним активы, продолжил рассказ Иван, кое-что есть, мало, но есть. Здания, сооружения недостроенные, загородный участок

земли — под базу отдыха планировался, складские остатки, старые наработки, хозяйский дом, наконец... Часть можно сразу пустить с молотка, часть неликвидна, да ещё требует вложений. Выход из кризиса — это тот же проект, и он требует инвестиций. И пока их нет и, похоже, не будет, неработающие движимость, недвижимость, плюс долги раздувают затратную часть, тревожно щекочат нервы. Можно, конечно, имущество тупо продать — и выкарабкаться по полям. Фирме кранты, но хозяин останется, во-первых, жив, во-вторых, на свободе и, в-третьих, даже с небольшими средствами на карманные расходы. Но надо решиться! А самое забавное — объект спасения, хозяин фирмы, неуправляем. Орёт, хорохорится, словом, не хочет идти ко дну. «Да и кому захочется?» — завершил Иван.

— А в чём же интерес финансового директора? — спросил я. — Если говорить о логике, то ему давно надо было подыскать другое место работы, в конечно счёте, ошибочные решения принимал не он...

— Не удариться в грязь лицом, с честью выйти из драматической ситуации, — ответил Иван. — Мотивация, конечно, непривычная для нашего неустойчивого времени, но мне понятная.

— Не слабо! — вставил свои пять копеек Глеб. — Достойно уважения в любое неустойчивое время.

— Но это лишь часть мотивации, — продолжил Иван. — Он хочет найти виновника.

— Какого ещё виновника? И так ясно: генеральный — вот, кто главный виновник, — кратко изложил я своё компетентное мнение.

— Что генеральный прошляпил, а потом вообще освинел, — это сомнений не вызывает, — сказал Иван. — Дело в другом — кто за этим стоит? Изощёренная месть — слабовато: жизнь — не сериал. Деньги — туповато. Не такие они большие, и вся операция подготовки требовала, а это — время и те же деньги. Есть здесь ещё какой-то интерес — реальный, земной, с хорошими ставками. Это не прикольный рэкет в стиле Паниковского. Действует масштабно и гадливо — на уровне шизы. Надо позаниматься.

Меня, не скрою, смутила такая постановка вопроса. Ранее Иван брал на себя задачи оптимизатора, ограничивая свои услуги консультациями финансового и управленческого плана. К борьбе с таинственными злодеями, явной уголовщиной его никогда не тянуло. Что с ним произошло на этот раз, я не понимал. И он, увидев вопрос в моих глазах, пояснил. «Никакие усилия по санации фирмы не дадут положительных результатов, если я не смогу устранить первопричину. Надо найти и устранить. Или отказаться от этого неблагодарного дела. Я выбрал первое».

— Я — чем могу, — непринуждённо сказал Глеб.

Иван посмотрел на него с недоверием.

— Не веришь? — со смешливым вызовом спросил Глеб.

— Тебе? От тебя можно ожидать чего угодно, иногда даже хорошего,
— ответил Иван и довольно увесисто хлопнул Глеба по плечу.

20

Морское танго

Солнце садилось. Карадагский массив отбрасывал огромную причудливую тень, закрывающую ещё недавно блиставшую богатством красок прибрежную зону. И виды не те, и краски не те. А за пределами расплывчатой границы тени и света вода, как и несколько минут назад, играла сочными цветами, рождающимися в чудном слиянии неба, ветра и моря. Близился вечер. Дед ничего другого и не ожидал: вот так забросить, посидеть и — удача, так не бывает. И тут потянуло. Поначалу не сильно. Часть каната, вытянутого волной вдоль берега, тихонько, но уверенно поползла в воду, и затем его остаток буквально нырнул в море, с брызгами. Дед глянул на штырь, на море. Канат натянулся. Всё беззвучно — только слабый прибой. Было слышно — штырь скрипел.

«Не уйдёт!» — подумал дед. Пусть побесится — снасть надёжная, крюк кованый. Подумал он и о другом. Гад на крючке, но что там у него на уме. Оставить его — пусть походит, силы потратит? А домой как — на лодке? Нападёт? Нельзя плыть — ударит в ярости, от берега ему — ни-ни, а вот к берегу... Получалась западня. Кто кого ловит? Дед оглянулся — есть хоть путь к отступлению. В грот? Страшно. Наверх? Можно было, да годы не те. Если постараться, всё же можно.

Канат ослаб, и дед Михаил подумал: сорвался, ушёл? И эта мысль сильно не расстроила: может, пусть на этом всё и закончится... Но опять рывок, и канат натянулся как струна. Недалеко от берега в тёмной воде что-то большое крутанулось, подняло волну, взбило пену и ушло на глубину, вновь натянув ослабевший на мгновенье канат. Если уйдёт, кто поверит, подумал дед. Никто! Натянутый канат разрезал воду, ушёл вправо, ослаб, натянулся и, рассекая воду, рывками двинулся влево. Ослаб. А если с разгона и на берег? Дед Михаил уже не надеялся на лодку — бесполезно и отошёл к нише в камне: если что — в грот, там не достанет, не разумный он, не будет же подныривать. Похоже, тех чужаков он и погубил или напугал, хорошо Кирюха не видел, а то б страху натерпелся или... не дай бог, не дай.

Дед признался в душе, что на канат уже было страшно смотреть, и закралась мысль: пропади оно всё пропадом. Огромный всплеск. Ничего не видно, вот если б солнце... А, может, лучше и не видеть? Канат задрожал. Да тут пудов двадцать будет, подумал дед.

Канат вновь ослаб, и вдруг недалеко от берега вынырнул... чёрт. Огромная башка, увитая гривой, огромная пасть, огромные глаза... Чёрт или гад медленно приближался к берегу, затем слегка изменил направление и поплыл в сторону. На деда смотрел жуткий рыбий глаз, полный страха и ненависти.

Солнечный луч, видимо, нашёл прореху среди прибрежных скал и на мгновение осветил картину боя. Страшная грива, только что бывшая то ли чёрной, то ли коричневой, заиграла яркими цветами. Это не грива, это — корона...царская и красная, и жёлтая, только и подумал парализованный страхом дед Михаил. За царственной головой хорошо просматривалось многометровое длинное извилистое тело. Гад рванул и ушёл в глубину. Рыбак с трудом преодолел ужас, оглянулся на грот.

Дед Михаил был неглупый мужик, слыл в посёлке грамотным человеком. Читал газеты и даже книги. Любил вставить в свою речь мудрёные слова, смысл которых и сам не всегда понимал. Но что такое «волосы встали дыбом», он знал — и по рассказам, и по книжкам. И сейчас убедился наяву. Он замер, медленно, через силу и со слабой, не осознанной надеждой перевёл взгляд на канат. Натянут — гад в море. А это тогда что? Его охватил ужас, волосы...именно дыбом. Он стоял, как изваяние, не в силах не то, что сдвинуться с места, а даже пальцем пошевелить. И в этот кошмар не верилось, и в смерть не верилось, ни в старость, ни в молодость, ни во что не верилось. Было только какое-то настолько несоразмерное недоумение, что в парализованном ужасом сознании места для животного убийственного страха не осталось. И потому был пока жив.

21

Троль

Не скрою, поначалу возня с архивом Смагина меня не прельщала. Пришлось много и тяжело повозиться, прежде чем бумажный хаос приобрёл черты хронологичности и понятной событийности. Что-то пришлось додумывать, дорисовывать. Постепенно моему уставшему взору открылось несколько законченных, свёрстаных в отдельную подшивку историй, заслуживающих, на мой, возможно, и не достаточно взыскательный взгляд, внимания читателя. Я был удивлён, порой ошарашен и даже не знал, какой из них отдать предпочтение.

Велико было желание, руководствуясь личными симпатиями, забежать вперёд, вырвать из попавших в мои руки исследований лакомые куски и сделать ставку на сенсационность. Вскоре это чувство прошло. Я решил не мудрить и распределил документальный материал по возрастной — от 1922 к последующим годам. Уже просматривалось «Морское танго», где-то вдалеке замаячили сибирские «Зёрна», сбивались в единое целое другие сюжеты. Работа увлекла. Единственное, по поводу чего слегка приходилось досадовать, это позиция изначально предполагаемого соавтора. Речь идёт об Иване. Он целыми днями где-то пропадал, на связь выходил редко. У меня даже сложилось впечатление, что его не только мало интересует пост-экскурс в дела давно минувших дней, но и необходимые для формирования современной части Архива регулярные отчёты о расследовании.

Когда он позвонил, я подумал: наверное, осознал человек и свою вину, и необходимость более частых контактов... Но причина его появления была иной — он сделал мне неожиданное, я бы сказал, не лишённое некоторой деликатности предложение. Начало было витиеватым:

— Я Машку обещал на природу вывезти, хандрит она, бьётся со своей выставкой, ни черта у неё не выходит. А от меня что толку — я в их богемных играх ничего не понимаю. А ты как?

Вопрос получился двойной. То, что я в богемных играх тоже ничего не понимаю, было и так известно. А насчёт поездки — немного растерялся. Я удивился. Машку я видел два раза. Первый — когда Иван затащил меня к ней в гости, дабы я оценил качество её художественного творчества. Я, конечно, выразил восхищение и вообще-то был искренним. Но моё восхищение было более связано художницей, чем с её работами. Не знаток, я не знаток, признаю. А второй раз мы случайно встретились в парке. Иван с Марией прогуливались, а тут я на скамейке сижу. Сбежать не удалось, пришлось общаться. Поначалу я чувствовал себя неловко, но потом расслабился и не чувствовал себя в спонтанной компании чужим — день прошёл прелестно. И вот такое предложение.

— Опять на Весёленькое? — спросил я.

— А почему бы и нет?

— Я-то вам зачем?

— А ты нам и не нужен. Просто захотелось тебе сделать приятное.

Как тут не согласиться? Такая дружеская забота. Сборы были недолги. Иван заехал за мной, я, как мне показалось, изящно запрыгнул на свободное переднее сиденье, оглянулся, что б поздороваться с Машкой. На заднем сиденье сидели Машка и Глеб. Притом Глеб выглядел настолько смущённым, что мне стало его жалко. Иван мудро включил музыку, и до места мы добрались почти без разговоров. Моё внимание привлёк тот факт, что Иван был необычно озабочен, хотя тщательно это скрывал. Я ещё подумал: «Ну, зачем в такой напряжёнке ещё устраивать такие сложные пикники». Да и Глеб меня беспокоил. Два творческих человека, особенно когда один из них активно пьющий, это слишком много.

Расположились мы неплохо, недалеко от воды. Чуть правее того места, где мы высадились десантом с Глебом в прошлый раз. Иван бросил на землю старую плащ-палатку, достал из багажника нехитрую снедь и пакет с одноразовой посудой. Было уже тепло, даже жарковато. Жидка тень пока спасала, но по мере продвижения светила по небосклону росла опасность оказаться под прямыми солнечными лучами.

Машка пила понемногу красное вино, много болтала. Глеб сидел как китайский божок и, что меня поразило, не пил вообще. Иван задумчиво молчал. Я был вынужден хоть как-то поддерживать разговор, получалось неважно. Но неуютность, видимая невооружённым глазом, совершенно не отражалась на Машке. Сам факт нахождения на этой симпатичной лужайке, у реки (озеро Машка упрямо называла рекой) уже настроил её на

необратимо позитивный лад, и, я думаю, если бы даже мы, мужики, вдруг оставили её в одиночестве, она бы сильно не расстроилась.

Иван шевелил губами, возможно, силился что-то вспомнить. Встал, прошёл к машине, вернулся со злополучным блокнотом. Не спеша полистал его, что-то нашёл, захлопнул и опять отрешился. Нормальный отдых, подумал я, особенно у Глеба.

Иван востропнулся, посмотрел на Глеба. Они встретились глазами. Иван встал и отошёл в сторонку, Глеб не без облегчения последовал за ним. Они перебросились парой-другой слов и довольно быстро направились по тропинке в лесок. Я не придавал этому значения, Машка вообще, как мне показалось, не обратила внимания: мало ли кто, куда и зачем? Минута деликатная пауза — парочка не появлялась. Машка осмотрелась по сторонам и только сейчас осознала, что мы остались одни. Отреагировала она по—своему:

— Командиров-начальников нет — командовать некому. Я свободная женщина: что хочу, то и делаю. Я хочу купаться.

Отсюда я сделал вывод: ни к командирам, ни к начальникам я не отношусь, мнение моё для дамы ничего не значит, и посему не надо даже предпринимать попытку его высказать — решение уже принято. Возник вопрос: обязан ли я как джентльмен сопровождать даму в ответственный период купания? В воду я лезть не хотел и, признаться, с трудом представлял, как отреагирует на такую вольность Иван. Я решил не мешать. Машка отошла к машине, я, естественно, направил свой взор в противоположную сторону, напряжённо пялясь на кусты, куда удалились Иван и Глеб. Через мгновение Машка победно взвизгнула, я повернулся. Она уже была в купальнике, осторожно ступая, шла к воде и бормотала что-то вроде «солнце, воздух и вода...» Решительно вошла в воду, резко присела и громко сказала: «Вот такая я!».

Место было неглубокое, но я на всякий случай переместился поближе к берегу, выбрав себе статус среднеарифметического от наблюдателя и праздно шатающегося отдыхающего. На потенциального спасателя я не тянул, так как сам плавал неважно и с водой не дружил.

Вдалеке слышались голоса. Я прислушался, и у меня сложилось впечатление, что или мои компаньоны по отдыху ведут чрезмерно оживлённую дискуссию или их больше двух.

Я машинально направился навстречу и на мгновение потерял из виду Машку. И тут она пронзительно закричала: «Тянет! Тону!» Я остолбенел. Но пока ни страха, ни даже волнения не было. Просто лёгкий ступор. В это мгновение надо было понять: что вообще происходит? Это могла быть явная опасность, это могла быть явная шутка. Я, всё ещё не осознав реальное положение дел, сделал несколько шагов в сторону озера. Машка билась в воде, отчаянно гребла, но не двигалась, она была словно на привязи. Картина открылась жуткая и, как я позднее для себя определил — не воспринимаемая. Слева от меня произошло нечто, напоминающее прорыв бизона через густые заросли. Кто-то ломанулся через кусты со скоростью метеора и через секунду оказался в воде. Этот кто-то

был одетый Глеб. В несколько взмахов мощных рук он приблизился к Машке. Она уже скрывалась под водой, но продолжала отчаянно бороться за свою жизнь.

Глеб вопреки моим предположениям не бросился прямо к ней. Он встал на дно, вода доходила до груди, что придавало разыгрывающееся трагедии какой-то зловеще-иррациональный смысл. Она тонет, он стоит почти рядом. Глеб приблизился к Машке и провалился, потерял дно.

Я бросился в воду и не заметил, что то же самое сделал Иван. Я грёб изо всех сил, Иван — тоже. До опасного места было не более пятнадцати метров и нам понадобилось несколько секунд, чтобы их преодолеть. И тут я услышал громкий крик Глеба: «Не приближайся, стой на твёрдом!» И затем: «Игорь, не лезь — я сам!» Это уже кричал Иван, опередивший меня на пару метров. Я растерялся и встал на дно, глубина по грудь. Рядом была видна голова и верхняя часть спины Ивана. Он тащил за руку Глеба, Глеб держал за волосы Машку. Я приблизился и тоже стал кого-то хватать и тащить. Много шума, восклицаний и даже крепких выражений.

Я не могу детально описать, что было дальше, но довольно быстро мы оказались на берегу. По-моему, я, Иван и Глеб просто шли, Глеб нёс Машку на руках. Машка с ужасом смотрела на воду, показывала куда-то рукой и судорожно открывала рот, силясь что-то сказать. «Всё, девочка, всё! Мы на берегу!» — заботливо говорил Глеб, стараясь её успокоить. Иван быстро пришёл в себя и стал снимать с себя мокрую одежду. Я слепо последовал его примеру и только тогда заметил, что возле нас озабоченно снуёт уже знакомый по прошлой поездке лесной отшельник.

Вид у гостя, конечно, был — не позавидуешь. Но что меня удивило, так это живость и ясность глаз — шизофреники так не смотрят. Машка пришла в себя. «Водоворот, тянет, ужас...» — это всё, что она смогла поначалу выдать из себя. Глеб гладил её по мокрой голове, неуклюже пытался ей вытереть ладонью нахлынувшие слёзы. Машка схватила ладонь и поцеловала. Но обратилась во множественном числе: «Спасибо, мужики!» Похоже, она ожила. Мы встали и побрели к машине, происшедшее никто обсуждать даже не пытался — рано. Отшельник шёл последним.

Когда мы развешивали на кустах мокрую одежду, Машка нам помогала с каким-то остервенелым упорством, возможно, этим формализуя свою душевную благодарность на помощь. Ей никто не мешал. Немного успокоились. Тогда Иван отвесил лёгкий поклон нашему новому гостю и сказал: «Знакомьтесь, господа! Перед вами — Виктор Фабрикант. Бизнесмен, отшельник, жертва и мой клиент». Я ничего не понял. Иван добавил: «Фабрикант — это фамилия». Понимания не прибавилось. «Это он мне звонил», — добавил Иван. Кое-что прояснилось, но непонятного стало ещё больше.

Морское танго

В море был змей. А из грота наполовину вылез огромный дракон. Именно так — иначе его не назовёшь. Как в книжках, как на картинках. Рептилия лениво посмотрела на деда и, хотя наметила себе в нём жертву, не сжалась, как пружина, не присела, как перед прыжком, не издала громогласного победного рыка. Дракон медленно выбирался из грота, смотрел, не мигая. Если бы дед Михаил был наделён большей фантазией и чувствительностью романтика, он бы уже отдал богу душу. Но он стоял и ждал — как ждёт жертва, не сумевшая спровоцировать сознанием массовый выброс адреналина, необходимого для активного сопротивления или стремительного бегства. «Хорошо, Кирилла не взял...» — только и подумал дед.

Дракон вылез из грота и двинулся к неподвижному рыбаку, но не прямо, а боком, его хвост, особенно кончик, заиграл, словно готовясь к удару. В этот момент сидевшее на крюке животное сделало сумасшедший рывок. Вода недалеко от берега забурлила, вспенилась. Канат зазвенел как металлическая струна, издал свистящий звук, подобно мощно натянутой и резко отпущенной тетиве лука, из воды вылетел крупный неопределённой формы предмет и с огромной силой ударил дракона в голову. Рана образовалась небольшая, но удар был сильным и, главное, неожиданным.

Дракон присел на передние лапы, его повело и он, судорожно подгнав правую лапу, начал слегка заваливаться на правый бок. Удержался, тряхнул головой и восстановил равновесие.

«Здесь, здесь!» — услышал дед. Он поднял глаза и увидел, как с почти отвесной скалы спускаются на верёвках двое мужчин. Их причудливое снаряжение и скорость, с которой они приближались, только дорисовали картину полной неправдоподобности происходящего.

Шум сзади. Дед обернулся — с моря приближался моторный баркас. «Как я его издала не услышал?» — только и подумал теряющий сознание ловец морского змея. Он перевёл взгляд на грот. Скалолазы уже спустились и ловко набросили на дракона большую сеть. Дракон отошёл от шока, вызванного ударом, но беспардонно сброшенная сеть стала для него не меньшим шоком. Баркас уткнулся в берег, на камни выпрыгнули Смагин, Сеулин, Маша в военной форме и санитарной сумкой, несколько милиционеров и гражданских не из местных. Чёрные шторы задёрнулись, далее дед ничего не видел.

Сказать, что прибывшие на баркасе три милиционера были в растерянности, значит, ничего не сказать. Двое, что были с винтовками, просто замерли. Третий выхватил наган, но следуя резкой запретной команде Смагина, быстро его спрятал. Скалолазы и подбежавшие к ним пассажиры баркаса уверенно орудовали сеткой, верёвками, выброшенными из баркаса деревянными шестами и брусьями. Маша склонилась над дедом. Смагин был спокоен. «Ну что, Миша, интересно? Видел ты такое? Вот тебе

и ответ на вопрос, чем занимается наше управление» — сказал он, обращаясь к Сеулину. Тот неуверенно кивнул.

— Что с дедом? — спросил Смагин, подойдя к Маше.

— Сердце в норме, как ни странно. Без сознания, — ответила она, — такое увидеть...

«Понимаю», — согласился Смагин, подошёл к дракону, посмотрел, покачал головой и лишь сказал: «Удивительно!» Затем обратился к старшему от прикомандированных:

— Ну, как — довезём?

— Надо, как не довезти. Такой экземпляр... Перекантовать сможем, а вот погрузить — не знаю... Может помощь позвать из посёлка?

— Нельзя, потом разговоров не оберёшься, — ответил Смагин.

— Свидетели и так есть, — возразил старший.

— Чем меньше свидетелей, чем лучше, — жёстко сказал Смагин. — Погрузим.

Дракона запеленали так, что он и двинуться не мог. Специалисты по ловле зверей довязали последние узлы, приспособили деревянные бруски, катки и отвлеклись на перекур. Дед Михаил пришёл в себя, тяжело вздохнул, забеспокоился, насколько смог, огляделся по сторонам. Присутствие большого количества людей подействовало благотворно: он облегчённо вздохнул, перекрестился. Он понял: дракон пойман, связан — но пока был не в силах мысленно переварить происшедшее. Смагин наклонился, потрогал канат, измерил пальцами толщину. Подошёл к расщелине, осмотрел место закрепления необычной снасти, проследил взглядом место возможного падения вылетевшего из воды второго конца. Большой крюк, слегка, но спасительно оглушив дракона, отлетел рикошетом в камни. Туда Смагин и последовал. Нашёл крюк, присел, осмотрел. Обернулся, вопросительно глянул на деда Михаила. Старый рыбак был не в силах говорить, он развёл руками и виновато покачал головой. Такой рыбалки у него не было никогда. Смагин быстро прошёл к баркасу и вернулся, держа в руках кусок мешковины. Обмотал ей крюк и взглядом показал следящему за ним Сеулину — в баркас! Михаил с трудом высвободил штырь, свернул канат, прихватил упакованный крюк и понёс к баркасу. Маша пыталась ему помочь, но вовремя подскочил милиционер. В суматохе никто толком ничего и не понял, и потому нежелательных вопросов не возникло.

Над морем сгущались вечерние сумерки. Дракон был огромен и тяжёл. Однако привлечённые Смагиным звероловы с задачей справились быстро, помогла ручная лебёдка, имеющаяся на баркасе и пара запасных трапов, предусмотрительно прихваченных на биостанции. Баркас явно перегрузили. В нём разместилась лишь часть людей, остальные сели в лодку деда Михаила. Перед отплытием он силился что-то сказать Смагину, показывал на воду. Смагин устало сказал: «Потом, на сегодня хватит...» Старик особо не упорствовал.

Троль

С момента своего появления Виктор Фабрикант сразу попал в заботливые объятия Ивана. Сформировался антикризисный триумвират: хозяин фирмы, финансовый директор и Иван Смагин. Что они там мудрили, я в подробностях не знаю. Всё было окутано тайной, трио действовало с соблюдением строгой конспирации. Могу лишь по отдельным телефонным звонкам, репликам, отпущенным при личных встречах, а также с привлечением собственных догадок и, не скрою, некоторой доли фантазии сложить приблизительную картину происходящего.

В тот злополучный день, когда почта доставила третий пакет, Виктор, ознакомившись с его содержимым, подошёл к книжной полке. Где он? Нашёл. Схватил изрядно потрепанный справочник. Полистал: есть, нет, не то, алфавит, чёрт побери, забыл, ага, вот, так и есть. На страничке, естественно, рядом красовались два фигуранта: Смагин И.Ю., Смагин А.А. Второй — не интересен. А вот первый... Именно эти данные были изящно напечатаны крупными чёрными буквами на единственном листке, выпавшем из пакета. Виктор понял, что от него требуется. От него требуется совсем немного — найти и убить человека, как и тех двух, могилы которых он уже посетил. И за это ему дадут денег, наверное, намного больше, чем в два предыдущих раза. Вот и всё, проще не бывает. Если я не помню, это вовсе не означает, что этого не было, подумал он и осознал всю темноту, весь безысходный мрак того угла, в который его загоняют.

Надо звонить, надо, подумал Виктор, не хочется, нельзя быть убийцей — вольным или невольным. Виктор позвонил. Насколько смог, предупредил. Надо было подробнее? Как? Объяснить, как идут дела в фирме, рассказать о пакетах, о свидетельствах о смерти, о странных записках, о могилах, об убийствах... Забавный бы получился звонок!

Тем не менее, этот звонок означал, что Виктор ещё не упал под давлением обстоятельств. Обозначилось сопротивление. Но лишь обозначилось. Надо было закрепить этот мизерный успех. На следующий день Виктор позвонил второй раз. Волновался он ещё больше, плюс влияние зелёного брата... Он был рад, искреннее рад, что где-то далеко есть человек, который стал ему дорог, которого он пытается спасти — бес корысти, без расчёта, без надежды на благодарность. И этот человек жив.

Прошёл день, второй. На счёт поступили деньги. Формулировка та же. Вот это было и страшно, и непонятно. Ужасная, но казавшаяся ему понятной схема дала сбой. Или дьявольщина форсируется? Виктор понял, чего ожидать. Вечерняя почта доставила пакет. Когда вскрыл, не удивился. На стол порхнуло свидетельство о смерти, перед глазами мелькнула известная фамилия и бумажка с координатами. И главное — благодарность за работу! То есть, работа выполнена. Кем? Виктор попытался восстановить события последних дней. До деталей — не получилось, но и достаточно длительного провала он не обнаружил. Пусть, на какие-то минуты находит умопомрачение, пусть. Но этого времени недостаточно,

чтобы совершить преступление. Надо найти человека, подготовиться... Получается — явное раздвоение личности. И этот, «второй», как его вычислить, остановить, обезвредить? Не просматривается он, не подаёт никаких сигналов, затаился — до поры до времени.

Что делать? Выть, биться головой о стену, стреляться? Кладбище то же, номер понятен. Разрыв в номерах большой — Виктор даже не предполагал, что в мир иной уходит так много людей. Былой ужас прошёл. Но накатила новая мощная волна безысходности. Виктор вызвал такси, поехал на кладбище, быстро нашёл свежую могилу. Всё совпало.

Нетрудно представить его состояние и, тем более, не трудно понять, что был он недостаточно внимателен. И всё же, когда шёл к могиле, Виктор обратил внимание, что справа, ловко и быстро лавировал среди захоронений человек. Ни на типичного посетителя кладбища, ни на празднующегося он не был похож — не вписывался. Об этом Виктор подумал вскользь — не до детективных наблюдений. И ещё в деформированный последними событиями мозг закралась мысль, что этого человека он уже видел — в прошлое своё посещение.

Виктор не мог рационально объяснить возникшее предположение. По большому счёту он понимал: воспринимать в таком состоянии обрывки больной фантазии всерьёз — дело неблагодарное и даже опасное...

Но именно этот человек побывал на могиле несколькими минутами раньше Виктора, осмотрелся, поправил венки таким образом, чтобы всё имеющиеся надписи с данными покойного предстали глазам невольного посетителя. Этот человек привык действовать наверняка. Так он поступил и на этот раз, не оставив Виктору никаких шансов, кроме шансов на безумие. Обязательное неоднократное посещение Виктором кладбища было неотъемлемой частью его ёмкого плана, нацеленного на стопроцентный результат.

И вот тогда Виктор поплыл. Память подводила, он был готов поверить во что угодно. Хоть в двойственность, хоть в тройственность своего сознания. Идти сдаваться? Тогда всё — полная безнадёга. Но оптимист, всё ещё сидевший в выживаемом характере Виктора, подсказывал: не спеши, есть надежда, всё нелогично, неестественно — это напасть, это наваждение.

Виктор прислушался к неумирающему оптимисту и поступил пусть не очень креативно, но просто и, главное, как он посчитал, непредсказуемо. Он сбежал. Сбежал на озеро, на которое, кстати, имел реальные юридические права. Не так давно его фирма заключила с властями долгосрочный договор аренды этих земельных и водных угодий. Планировалось строительство многопрофильной базы отдыха. Но события последних месяцев показали, что человек предполагает, а кто-то располагает. И этот кто-то реально существовал. В этом были убеждены финансовый директор, Иван Смагин, а теперь и частично оживший Виктор Фабрикант.

Жизнь в шалаше и даже раздумья о реальных опасностях — одичавших собаках, кабанах, наших родных хулиганах — в сравнении с напря-

жением последних дней показались Виктору раем. Страхи, они тоже бывают разные, и рассматривать их надо в сравнении. Сравнение было в пользу озёрного бегства. Виктор понимал, что и выбранное им отшельничество не может продолжаться не только вечно, но и даже достаточно долго. Ему просто нужна была пауза, надо было ожить. Потому сказать, что он панически скрывался от неведомой опасности, не будет верным. Виктор ходил в деревню, бродил по берегу, открыто сиживал у воды, испытывая рыбацкое счастье. В нём проснулись инстинкт охотника и детское озорство. Местных он не трогал — будут бить сильно и долго. Что касается приезжих, то не гнушался возможностью утянуть что-нибудь лакомое или полезное для быта.

Жертвой его набега стал и Иван. Добыча — кое-что из еды и блокнот с вложенной в него ручкой. Там он, узрев в пометках Ивана оккультный смысл, и своей рукой на последних страницах блокнота сделал некоторые сумбурные записи, отражавшие более поток кипящего сознания, чем суровый реализм раздумий сознательно выбравшего свою участь робинзона. «Чтобы познать истину, надо всё поставить под сомнение», «финдиректор + два «я» получается 3», «револьверный аккредитив», «неандертальцы не болели насморком», «нумерология двадцатичной системы — это интересно!» Вот эти и другие глубокие по смыслу записи увидел Иван, когда мы выехали на пикник. Я не буду приписывать своему другу волшебную прозорливость и добавлю: среди корявых тезисов имелась запись, которая всё ему объяснила. Довольно криво и достаточно крупно там было написано: «И. Ю. Смагин, спасти не удалось!!!»

Виктор понемногу прозревал. Этому процессу в значительной степени способствовали пояснения Ивана. Со слов финансового директора он давно понял, что игрок, загоняющий в угол и Фабриканта, и его фирму, личность явно неадекватная, закомплексованная, склонная к позёрству и не обделённая криминальным талантом. Даже с учётом таких предварительных поверхностных характеристик общая картина организации кризиса носила явные маниакальные штрихи. А человека с больной психикой трудно просчитать, он не предсказуем.

24

Морское танго

Дед Михаил лечился виноградным самогоном, который при известной смелости можно было назвать коньком, и мёдом. Помогло. Смагин вежливо, но настойчиво попросил его не болтать много о морском гаде. Что касается дракона, тут был дан зелёный свет, и герой невероятного приключения дал полную волю своему красноречию и фантазии. Кирилл на деда обиделся, но дулся недолго. Он компенсировал своё неучастие в этой могучей победе возможностью её бесконечной творческой доработки и весьма вольной интерпретации. Дракон уже имел шесть лап, летал, плавал, нырял, топил корабли и творил другие невообразимые злодеяния. Смагин Кириллу в этом потворствовал. Старания этого неравного союза привели в конечном счёте к тому, что и мальчику и другим летописцам

события местные жители, гости посёлка и близлежащих окрестностей просто перестали верить.

Что касается гада, то здесь старого рыбака приняли в свои заботливые руки педантичные ихтиологи. Дед рассказывал, повторял, дополнял и даже пытался рисовать. Последнее получалось плохо. Пригласили художника — дело двинулось. Смагин не вмешивался в этот творческий процесс, но отметил для себя необычную обыденность исследования. Для привлечённых учёных рассказ старика выглядел не более, чем обычное свидетельство чего-то бесспорно реального.

Выводы Смагина удивили и основательно опустили на землю. Лысый, неуклюжий, постоянно протирающий очки неопределённого возраста профессор широким жестом пригласил Смагина к столу. Там лежало несколько крупных рукотворных иллюстраций и несколько развёрнутых на нужной странице иностранных книг. «Рыба-ремень, король сельдей...» — только и сказал профессор. А остальное Смагин увидел сам. Длинное извилистое тело, вес несколько сотен килограммов, здоровенная голова с гривой-коронай. Рисунки были чёрно-белые. Смагин уточнил, как это чудо выглядит в цвете. Ему пояснили. Увидеть такое возле берега или утлого рыбацкого судёнышка...

И здесь уместным будет вспомнить разговор Смагина с певцом крымского края Волошиным. Поэт, писатель, художник не горел желанием делиться с кем-либо своими предположениями, тем более, с представителем какого-то непонятного управления. Чекист, он и есть чекист. Но, видимо, Андрей Смагин чем-то смог его расположить, и Максимилиан Волошин пошёл на контакт.

— Случилось это в 1911 году, — начал он свой рассказ. — Многие отчаянные головы пытались тогда бросить вызов небесам, штурмовали аэронавты и небо тропиков. Был среди них и голландский пилот Хендрик Ван Боссе. Он прокладывал воздушный путь с Явы на остров Сумбава. Его машина потерпела крушение, и в лучших приключенческих традициях этого авантюрного яркого времени он оказался на необитаемом острове.

Смагин почесал затылок и в душе уже начал жалеть, что настоял на продолжении разговора: тропики, необитаемый остров...

— И представьте себе, молодой человек, — продолжил Волошин, — дерзкий европеец, безлюдный остров в южных морях, катастрофа, падение в воду... Пилот с огромным трудом выбирается на сушу и от перенесённых страданий, усталости теряет сознание. А когда он очнулся, то увидел... как вы полагаете, что?

— Аборигенов, наверное... с копьями, — единственное, что смог предположить Смагин.

— Нет, он увидел дракона, огромного ящера. Как не помутился его рассудок, объяснить трудно. Отважный пилот прожил на острове год — среди этих бестий. Драконы — хищники, но его не тронули. У голландца был «маузер» и небольшой запас патронов, спички, нож. Он ловил рыбу,

охотился на мелких животных. На острове имелись кокосы, молодая бамбуковая поросль... Словом, выжил. И не только выжил, но и построил плот и добрался до близлежащего острова, населённого людьми.

Смагин замер, как гончая, почуявшая добычу. Он сказал:

— Сказочная история, трудно поверить...

— И не только вам. Голландец окрестил жутких животных «драконами острова Комодо». Ему никто не поверил, что, впрочем, неудивительно. И прошло немало времени, прежде чем ему удалось добиться организации экспедиции на экзотический остров. Дракон — это гигантский варан. Газетчики окрестили этот случай тропическим феноменом, но серьёзный читатель в этот рассказ не очень верил. А когда всё подтвердилось, появилось немало желающих и посетить тот остров, и позаимствовать у него часть его удивительной тайны. И при царском дворе тоже нашлись угодники. Ну, чем Ялта, к примеру, хуже тех островных тропиков?

— Ничем и даже лучше, — дипломатично высказался Смагин.

— И не только вы так думаете. Вот и решили угодники порадовать государя сказочным драконом. По слухам, хотели его разметить на биостанции, и даже для этой цели был подготовлен вольер, о питании позаботились. Но, как это часто бывает, старались, спешили и людей насмешили. Дракон сбежал. И чтобы не делать достоянием либеральной общественности такой конфуз, да не навлечь на себя гнев монарха, решили услужливые придворные звероловы историю эту утаить. Тем более, что времена были смутные — война. Ну, а потом, не до этого было. Рассказ этот непроверенный, многое теперь поменялось, но, сдаётся мне, может он вам помочь...

Вот это уже было горячо. Смагин тепло поблагодарил Волошина, и затем уже завертелась машина поиска: библиотека, архивы, опросы. И получалось так, что не выдумка этот дракон. Шесть лет — не такой большой срок. Варан прожорлив, конечно, но и рыбы в воде немало, живности на берегу не меньше, плюс хозяйский скот. Забил, съел, залёг. Зимой только вот не понятно, как он перебивался. Но подсказали, что могут быть тёплые источники в пещерах Карадага, да и зима здесь не лютая. Когда Мария показала рисунок и рассказала историю попавшего в беду мальчика, предположения окончательно окрепли.

Несмотря на предупреждение деда, Кирилл «по очень огромному секрету» поделился со Смагиным своим рассказом о происшедшем в гроте. Что могло напугать артельщиков?.. Других свидетельств много. Плюс разорванная лошадь, утопленник с перекошенным лицом. Смагин доложил свои соображения начальству, его начальство связалось с другим начальством — приехали звероловы. Война не всех выкосила. Были среди них и такие, что уже имели дело с гигантским вараном. И для них рассказ о драконе, к немалому разочарованию Смагина, не звучал столь фантастично и ужасно, как для других участников операции.

Видно, этот варан с тропического острова и доконал местных жителей в прошлом году. Не реагировать было уже нельзя, потому и направили отряд красноармейцев для поимки опасного животного. А он, хитрый гад, их так и ждал...

Слухи понемногу утихли. Пришло время покидать этот благодатный край. Дел впереди много. И жителям спокойней: какие тут покой и спокойная работа, если чекисты с утра до вечера глаза мозолят?

Когда укладывали вещи, Смагин ещё раз посмотрел на свой трофей — завёрнутый в мешковину огромный рыбацкий крюк. «Вроде, ясно, — подумал Смагин, — но легенда о морском змее, скорее всего, так и останется легендой... Ну, а дед — пусть радуется тому, что остался жив, и тому, что не взял с собой мальчонку... »

25

Троль

Ближе к вечеру Виктор Фабрикант, грязный, заросший, открыл красивицу-калитку и, пошатываясь, зашёл во двор. Проверил почтовый ящик — пусто. Медленно пошёл к дому, споткнулся, чуть не упал. Коряво перекрестился, отвесил поклоны на все четыре стороны и, бормоча что-то невразумительное, вошёл в дом. Желательно было принять ванну, привести себя в порядок. Беспорядок был впечатляющий. На столе — дежурная бутылка конька. «Вот она, родимая», — громко воскликнул Виктор, и налил почти полный бокал. Крякнул, выдохнул воздух, пробормотал: «Ну, и гадость!» Бокал не тронул.

Рядом с бутылкой лежал мобильный телефон. Посмотрел — батарея села. Поставил на зарядку. Вскоре высветились пропущенные вызовы. Этот — понятно, этот — тоже, этот — тем более... Все звонили по нескольку раз.

А вот и незнакомый номер. Гадать не было смысла. Требовались время и терпение. И тут телефон ожил. Тот самый неизвестный номер. Виктора бросило в пот.

— Виктор Андреевич, — услышал он гнусавый лакейский голос и подумал: «Что-то знакомое...»

— Да...я слушаю, очень внимательно слушаю, полон внимания и уважения, — как сомнамбула ответил он и по-идиотски хихикнул.

— Виктор Андреевич, это я — Серёга, таксист. Вы помните меня?

— Как же вас всех, ангелов, упомнишь. Кто ты, дорогой мой человек?

— Таксист, Серёга. Я вас возил несколько раз...

— Даже так? И когда?

И здесь Виктор угадал. Прозвучали три даты. Именно в эти дни были убиты три фигуранта, и эти смерти доставили ему столько страданий. Не мог и не должен был он их помнить. Прокол.

— Интересно, — промямлил Виктор, я так много на такси не ездил, я езжу на служебной машине или хожу пешком...

— Ну как же, Виктор Андреевич, я даже адреса могу назвать.

И назвал. Это были адреса покойников. И это Виктор не должен был стопроцентно знать. Опять прокол.

— Ну, может и ездил... А чего, собственно, мил человек, желаете?

— Вы обещали меня на работу взять. Помните?

— Никак нет. Может, и обещал, но не помню.

— Как же так, а я надеялся. Посмотрите, Виктор Андреевич, может, вспомните... А я пока не буду мешать, позже перезвоню.

А вот это неплохо. Даты, адреса названы. Есть время уточнить, схватиться за голову, если она ещё на месте. Так как появился и реальный свидетель, который возил на место преступления. А там где один, там и другие свидетели. Амба. Виктор посмотрел на стакан с коньяком и машинально облизнул губы. Он вспомнил. В каком-то учебнике по психологии приводился пример, как мужчины невольно реагируют на появление красивой женщины — облизываются. Рефлекс. А я — на стакан, усмехнулся Виктор. Ждать пришлось довольно долго — «таксист» выжидал — пусть Фабрикант свыкнется с мыслью, что он в тупике, что все его опасения и предположения оправдались, что он — маньяк, страдающий раздвоением личности и в конечно счёте — и сумасшедший, и убийца. Прозвучал звонок. И Виктор развязным тоном ответил кратко:

— Приезжай — всё решим.

Попытка «решения» была неудачной. Ко двору подъехало такси, двигатель работал. Виктор открыл калитку. Мы с Иваном и Глебом затаились за забором. Не знаю как, но таксист почуял опасность и рванул, чуть не сбив вышедшего к машине Виктора. Иван чертыхнулся, я стоял в растерянности: не удалось! Мы подскочили к Виктору. «Не уйдёт!» — уверенно сказал Иван и стал поспешно искать в памяти телефона нужный номер, чертыхался и поминал какого-то генерала. Я был полон сомнений: куда и кому бы он ни позвонил, даже генералу, оперативных действий по задержанию машины ожидать было трудно.

Водитель такси старался сдерживать эмоции, но был ошарашен таким поворотом событий. Он не ожидал, никак не ожидал, что этот недоумок приготовит ловушку. Поток сознания нарастал и бил в виски. Виктор, этот простофиля, вышел неподобающе его состоянию уверенно, этого не могло быть. Он вышел с взглядом победителя. И артист он плохой! В гриме он бы меня не узнал. Можно, конечно, было сделать так, чтобы узнал. Но этот, последний, довод был оставлен про запас — чтобы добить, поставить точку. Не каждый день приезжают гости с того света, не каждый

день они катают представителей этого брэнного мира по ночной дороге вдоль кладбища... Не получилось!

Выживаемый этот Фабрикант! И был не один. В одиночку ему со мной не справиться. Но кто его помощники? Полиции нет, погони нет. Какие-то лохи выскочили... Думали, со мной так легко разделаться?! Таксист вёл машину рискованно, но умело — и опыт есть, и нервы — жаловаться не приходилось. До выезда из города было недалеко.

Таксист понимал: надо оторваться, выехать из этих путаных трущоб, ещё оторваться и затем — по просёлочной. Где-то произошла ошибка, он не всё предусмотрел, но шанс скрыться был. Он вёл машину уверенно, вовремя переключал свет, соблюдал правила обгона. Вечерний час пик давно минул, прошедший день был рабочим, — в это время на загородном шоссе машин было немного.

Тихо, рекламные щиты вдоль дороги вытянулись в сплошную светящуюся линию, она цепляла взгляд, мерцала, раздражала. Это ещё не конец. Вопрос в том, на каком этапе Фабрикант начал встречную игру? Не мог же он сразу всё просчитать? Это невозможно. Этот пигмей, это ничтожество не может идти ни в какое сравнение с истинными игроками. Он уже несколько дней назад должен был быть в психушке или в петле. Резко заболела голова — от волнения? Ничего — ОН мне поможет! Да, я сдружился с дьяволом! Уж лучше с ним, чем с этим сбродом, не способным ни на мощный креатив, ни на решительные действия. Они всё так и будут копаться в мусорниках, заменяющих голову, и искать оправдание своего никчёмного существования. Ими надо управлять, управлять — как неразумной паствой, как стадом.

Видимость ухудшилась. Туман? Глянул по сторонам, дымки нет, но перед глазами всё плывёт, словно сбилась резкость. Какое-то монотонное гуденье вкралось в мозг и пришлось грубой кисточкой по нервам. Он отметил, что не чувствует своего тела, оно не слушалось, стало чужим. Хорошо, дорога прямая — руки, как деревянные, повернуть руль трудно, похоже, невозможно. Лицо горело, нос, уши, брови стали тяжёлыми. Надо сбавить газ — не получается, нога словно парализованная. Огромным усилием воли он заставил себя поднять правую руку. Надо повернуть зеркало заднего вида. Надо посмотреть, что с лицом, что со мной. Он повернул зеркало.

На заднем сиденье сидела и смотрела безучастно вперёд жуткая образина с дикими глазами, бордовой пупырчатой кожей. Это ОН? Кто это? «Зачем? Я не звал! Ты кто?» — дико заорал таксист. Рефлекс сработал и опередил ужас. Он оглянулся — никого. Руки не слушались. Машину понесло на обочину. Никого? Он глянул в зеркало — ОН опять смотрел на него. Нога давила на педаль, машина буквально взлетела, ударилась о землю, пошла юзом, перевернулась раз, ещё раз. Удар был страшным. Единственный пассажир так и не понял, что в зеркале он видел себя. Машина загорелась. Рекламные щиты растянулись вдоль дороги, они были единственными безучастными свидетелями странной и страшной трагедии.

Морское танго

Мария понимала, что рисковала. Но как здесь без риска? Два кризиса в сознании редко совмещаются. Один должен победить и вернуть сознание в изначальное состояние. Она держала Саньку за руку и медленно вела его к новому вольеру. Мальчик почувствовал её волнение и стал тревожно осматриваться по сторонам.

— Санька, ты тогда дракона видел? Вблизи. И он тебя не тронул. Не злой был тогда дракон. Он приблизился к тебе, посмотрел и ушёл. Так было? — говорила Мария.

Надо было видеть глаза мальчика. В них были и ярость, и признательность, и страх, и удивление.

— Ты, Санька смелый, ты не испугался, ты не верил, что такое может быть, потому что не видел такого никогда. А дракон этот есть, он в скалах жил.

Мальчик замер, рука напряглась. Он посмотрел на Марию с недоумением.

— Да, Санька, дракон этот настоящий. Многие его видели издалека, а вот ты увидел вблизи. Ты ему даже махал на прощанье, когда он ушёл. Так было?

И Санька ослабил хватку, слегка согласно кивнул.

— Мы сейчас его увидим. Он в клетке. В крепкой клетке. Хорошо? Ты не испугаешься?

Мальчик опять кивнул.

Мария, ведя за руку мальчишку, миновала большой сарай. В вольере сидел гигантский варан острова Комодо. Мальчик увидел животное, замер, его рука задрожала, вспотела, затем пожатие ослабло. Санька осторожно освободил руку и сделал шаг к вольеру. Дракон зафиксировал движение, развернулся и смотрел немигающими глазами на гостя. Санька подошёл ближе, приветливо помахал рукой. Варан шумно вздохнул.

— Дракон. Настоящий. Живой. Не страшный! — только и сказал тихо и невнятно Санька и, видно, сам настолько удивился возвращению дара речи, что присел на корточки, встал, топнул ногой, крепко схватил Марию за руку и громко разборчиво произнёс: — Дракон, дракон, я тебя нарисовал!

Варан смотрел на мальчика безучастно. Мария облегчённо вздохнула и обняла мальчика. Сопровождавший их Сеулин ликовал, но не подавал вида.

Троль

Последнее время Иван был страшно занят, и я его не видел. Изредка он названивал, но ни новостями, ни успехами или неудачами не делился. Это было в его стиле, и я даже не пытался оторвать моего драгоценного друга от привычного рабочего формата.

Из кратких телефонных бесед я понял, что Виктор Фабрикант выздоравливает, отходит, и дела его чуть было не погибшей фирмы идут на поправку. Вообще-то, я к делам фирмы Фабриканта не имел и не мог иметь никакого касательства. Однако, став волею случая участником этой запутанной истории, проникся интересом к судьбе попавшего в такой странный переплёт человека и искренне радовался положительным сдвигам. Значит, наши вольные и невольные усилия не пропали даром. А это уже неплохо.

Один раз я всё же позвонил Ивану и поинтересовался Машкой. Было бы странным, если бы я это не сделал. Я бы никому не пожелал попасть в историю, случившуюся с ней — да и со всеми нами — на озере и не думаю, что столь жуткое приключение осталось для неё бесследным. Иван пробурчал что-то невразумительное, из которого при определённых адаптивных способностях можно было понять одно: всё ОК. Про себя я также заметил, что со дня нашей злополучной для Машки, но благодатной для Виктора Фабриканта поездки прошло немало дней, но никто — ни он, ни я — ни разу не затронули конкретику происшедшего. Что там случилось?

У меня лично тогда возникло впечатление, что Машку схватило какое-то животное. Я гнал в тот момент эту дикую мысль, но она не хотела меня покидать. Когда Машка упомянула о водовороте, я вернулся из мира мистического в мир земной, но легче не стало. Какой водоворот на такой глубине? В озере, в стоячей воде! Но закрутилась вся эта история с попыткой поймать злодея, пытавшегося сломать Фабриканта, и было как-то не до этого. Но вопрос оставался. Впрочем, как и многие, многие другие.

Позднее наступил момент, когда пауза безызвестности, допущенная Иваном, стала просто неприличной и недружеской. Я вознегодовал. То ли Иван это почувствовал, то ли время пришло, как бы то ни было, он объявился. Мы встретились. Я полагал, что Глеб тоже примет участие в нашей беседе. Но, как пояснил Иван, наш «будущий великий писатель» не может присутствовать на randevу, так как помогает Машке. Ей выделили в какой-то галерее кусочек стены, и она там устраивает экспозицию своих работ. Для столь ответственного процесса необходим был хотя бы ещё один творческий человек, обладающий грубой физической силой. Последнее в данном случае было более приоритетно, чем первое. Должен же кто-то таскать, сверлить, крепить, устанавливать... Глеб справится. У меня возникло резонное сомнение: если его состояние и, соответственно, поведение будут, мягко говоря, неадекватными, то заслуженный успех может обойти стороной нашу героиню. Иван никак не отреагировал на моё замечание, но и не показал, что оно совсем неуместное.

— С чего начать? — спросил Иван.

Вопрос был, скорее, риторическим, но я посчитал своим долгом отреагировать:

— Со всего!

И Иван начал говорить. Когда он произнёс: «В истории этой в отличие от палки, имеющей два конца, наличествует этих концов намного больше, и какой из них зацепить, дабы распутать эту пренеприятную, но весьма интересную историю, не смог бы сказать даже автор акульского узла. Жил-был Фабрикант, и тут появился тролль...» — я пришёл к двум выводам. Первый — надо набраться терпения. Второй — понадобится переводчик, и этот переводчик — я.

Итак, жил-был Виктор Фабрикант. Коснёмся только деловой части его биографии. И жил-был он не один. У него был партнёр по бизнесу, и как это всегда случается в период романтического старта, — дружба, полное взаимопонимание, планов громадье, стабильный рост и уверенный взгляд в будущее. Оптовая база, пара магазинов, долгосрочные IT-программы... Что ещё надо двум прагматичным полным сил людям? На этот вопрос каждый из них имел свой ответ.

Виктор полагал: союз аналитика (это он) и прикладника — мощная базовая посылка для движения вперёд. А тролль, его партнёр, имел иную точку зрения: каким бы ни был сильным Боливар, а одному скакать и веселей, и интересней. К тому же Виктор, по его мнению, вёл себя чрезмерно осторожно, проявлял не свойственную жёсткому времени мягкость и вообще показал себя в бизнес-экспансии недотёпой и слабаком.

Эти внутренние противоречия могли бы существовать в скрытом состоянии ещё долго: интерес превыше всего. Но однажды наступил переломный момент. Фирма попутно как сопутствующий проект получила права на неплохой земельный участок, куда и входило уже известное нам озеро. Финансовое положение уже позволяло ввязываться в долгосрочные проекты, и Виктор, исходя из этого очевидного факта, был «за». Тролль не разделял эту точку зрения, он не верил в устремлённые в будущее идеи и предпочитал «меньше, но быстро». Поупирался, а затем неожиданно согласился.

То, что случилось потом, серьёзно выбило Виктора Фабриканта из колеи. Тролль отправился на отдых в Крым и там погиб. Стоял на обрывистом высоком берегу моря в сильный ветер, упал, утонул. Труп искали, не нашли. Прошло несколько дней — ничего. Для Виктора это был удар. Во-первых, словно кусок сердца вырван. Во-вторых, бизнес уже несколько лет был настроен на тандем, и одному этот настроенный механизм было проверить непросто. Но пришлось.

Может, здесь проявился рудимент юношеского романтизма, может, сыграла свою роль поверхностная религиозность, но Виктор за год, прошедший со дня гибели компаньона, ни разу даже не подумал о перерегистрации фирмы — покойник так и фигурировал в учредительном договоре. Юрист, финансовый директор фирмы, несмотря на недовольство Виктора,

не раз заостряли внимание на беспорядке в документах. Виктор сдался: делайте, что хотите.

Юрист суетился, направлял запросы, а потом остыл. И на перерегистрации не настаивал, объясняя самому себе своё бездействие очень просто: если нет трупа и бумаги о смерти, то человек считается пропавшим без вести; то есть никакая перерегистрация просто не состоится, да и, в конце концов, не его это, простого служащего, дело.

Иван замолчал. А я перевёл дух — нельзя так с переводчиками... Конфликт Виктора и тролля он описывал семнадцать минут (я засёк по часам), и слова «эмпатия», «катарсис» и «цугцванг» были самыми простыми. Я ожидал продолжения, однако Иван решил допустить лирическое отступление, которое я поначалу расценил как явный уход от темы и даже раннюю стадию склероза.

О недоброй славе озера я уже рассказывал. Эта слава не была такой уж яркой, чтобы о ней раструбили в печати, по телевидению. О ней, об этой славе дурной, можно сказать, просто поговаривали. Когда произошёл трагический случай с рыбаками — теми самыми, что утонули вместе с лодкой, Иван пришёл к выводу, что заняться этой темой желательно всерьёз, что и сделал.

Экспертиза, косвенные свидетельства показали — рыбаки глушили рыбу. И можно было предположить: лодка в силу различных причин «наехала» на место взрыва и, естественно, перекинулась. Так и предположили, так и записали, так и порешили. Закрыт вопрос. Но Иван поговорил с людьми, вдовой одного из погибших, с экспертами и не согласился с таким поспешным выводом. Сомнением своим он ни с кем не делился. И дело здесь не в том, что заряды, используемые рыбаками, были слабыми, а глубина — приличной. Произошла у него одна интересная встреча...

Встреча эта стала следствием изучения документов Виктора Фабриканта. В числе прочих был там и пакет бумаг по земельному участку. Со слов Виктора, планировалось там построить базу отдыха со всей сопутствующей инфраструктурой. Иван полистал папочку, сформированную в то время, когда у фирмы было два хозяина, и заметил: не хватает там основных типовых документов — заключений гидрологов и геологов. Могли потеряться? Конечно, могли, тем более, что проект, по сути, был заморожен.

Иван посетил означенные службы и был там весьма и весьма озадачен. Хотел он посмотреть в архивах дубликаты заключений. В ответ попросили его подтвердить полномочия, а то «повадились здесь представители фирмы, качают права, заказывают дополнительные исследования, а за услуги вовремя не платят...» Иван поинтересовался у Виктора, тот сообщил: никого не направлял, поручений не давал.

Полномочия подтвердить не проблема — хозяин фирмы рядом. Пошёл Иван опять по техническим инстанциям и познакомился с одним человеком — бывшим строителем, а теперь экспертом. Тот ему рассказал давнишнюю историю. Забросила его судьба в ту самую деревеньку и на

то самое озеро Весёленькое. Был небольшой заказ на оборудование лодочной станции, часть которого — строительство небольшой пристани. Дело, казалось бы, простое, но столкнулись работяги с проблемой. Глубина — ерунда, забивают сваю, она идёт — упирается а затем — нырь, уходит, как в пустоту. Мучились-мучились и предложили заказчикам: или меняйте место или бросаем. Пока вопрос утрясался, много времени утекло, и чем вся эта история закончилась, эксперт сказать не смог.

Что касается официальной линии разбирательства, то здесь ждали Ивана интересные сюрпризы. Таинственный представитель фирмы, о котором говорили геологи, заказал дополнительные исследования участка на предмет наличия там месторождения природного газа. Бред какой-то, подумал Иван. Но когда ему пояснили, что газ есть, понял — не бред. Появилось у него сомнение, правда: что ж это за открытие такое, неужели о месторождении раньше никто не знал? Должная же быть в архиве геологической службы такая информация?..

И ему пояснили — не должна. В архиве, естественно, данные о геологических экспертизах имеются. Но масштабные работы проводились во времена СССР. И тогда заказчика — государство интересовали запасы, соответствующие потребностям того времени — много-много миллионов кубометров и на много лет. А всякая мелочь, способная в наше время десятилетиями кормить — и кормить очень даже сытно — небольшую контору, тогда никого не интересовала. Иван попросил описать «представителя фирмы». И ему описали. И портрет по своим основным штрихам напомнил внешностью утонувшего соучредителя.

Картина, вроде, ясная. Под дном озера образуются газовые пузыри. Потому сваи проваливались. Иногда газ выходил самопроизвольно или этот процесс провоцировался — браконьерской взрывчаткой, например. Водно-газовая смесь имеет низкую плотность, и объект — будь то лодка или человек — проваливается, как летательный аппарат в воздушную яму. Так случилось с рыбаками. Так случилось с Иваном, когда лодка зачерпнула воду. Так случилось с Машкой, когда она попала в «водоворот».

Иван, отслеживая действия тролля, задался вопросом: зачем всё так усложнять? Насчёт Боливара, это понятно: не выдержит — так не выдержит. Но всё остальное? Ответ на этот краткий вопрос занял ещё минут пятнадцать (я не засекал). И здесь уже были другие слова — из области психопатологии.

Как можно понять маньяка? Никак. И все рассуждения на эту тему типа «надо попробовать вжиться в его образ мыслей, поставить себя на его место» — это такой же бред, как и поведение маньяка. Чтобы понять маньяка определённого типа, надо самому стать таким же маньяком и то, если формат угадаешь. А если станешь таковым, так зачем кого-то понимать — и так не скучно. Таким было объяснение Ивана.

И ещё один момент пояснил Иван. Учредительный договор — довольно серый, как правило, типовой документ. И в большинстве из них вообще не оговариваются некоторые обстоятельства. Это позволяет предположить, что бизнесмены собираются жить вечно. Обстоятельства эти —

смерть учредителя, тяжёлая болезнь, внезапно пришедшая недееспособность. Понятно, что такие неприятности могут случиться с кем угодно, но только не с достаточно молодыми и удачливыми мужчинами...

А вот в том договоре, что был представлен Ивану для ознакомления, упомянутые нелюбезные детали оговаривались. В паре строк ненавязчиво было сказано: в случае естественной или насильственной смерти одного из соучредителей, его часть собственности переходит к наследникам, а в случае самоубийства или потери дееспособности — к другому учредителю. Строчки, как прокомментировал Иван, спорные. Но при наличии хорошего юриста и средств... Потому и с таким упорством и изощрённостью реализовывалось желание тролля довести Виктора до самоубийства или свести с ума. Что почти получилось.

Особую печаль здесь вызывает тот момент, что пункт этот был вбит в договор ещё до появления информации о месторождении газа. Неужели предвиденье? У маньяков это бывает. Но не будем о них так хорошо думать, высказал свою точку зрения Иван. Троль этот изначально был редкостным подонком и законченной сволочью.

Это резкое высказывание, не свойственное Ивану, меня несколько покорило. В дальнейшем я понял: он этими словами готовил меня к последующей информации, которую я мог воспринять негативно и даже пойти на конфликт. Иван поступил, мягко говоря, нехорошо, и, возможно, не надо было мне этого говорить. Но из песни слов не выкинешь.

Сеть, которую создал тролль, состояла из подставных фирм, открытых на номиналов. Деньги через банк обналичивались, счета обнулялись, юрлица бросались. Иван предположил: за домом Виктора должно вестись наблюдение. Он не ошибся. Иван предположил: преступник действует без поделщиков. И не ошибся. Поэтому нетрудно было противопоставить одуревшему от безнаказанности и потому потерявшему осторожность злоумышленнику встречные меры.

Иван выследит тролля. Хорошо помогло решение тролля поиграть в таксисты. Именно тогда он звонил несколько раз пропавшему Фабриканту. Удалось его засечь, ознакомиться с маршрутами передвижения и даже вычислить логово. Последнее место жительства — маленькая квартирka в спальном районе. Иван предположил, что маньяк, не верящий никому, будет хранить деньги дома. И оказался прав. Стоял в аскетической комнате солидный сейф — с электронной запирающей системой. И, если говорить коротко, мой друг Иван Смагин вернул Виктору Фабриканту то, что ему принадлежало по праву.

Я промолчал и не стал осуждать Ивана. И можно было бы поджентльменски спустить на тормозах этот пункт. Но я не стал. «А сейф солидный — взрывали что ли?» — только и спросил я. «Не взрывали, — сказал Иван. — И имей в виду — я был один!» Насколько он был один, я догадался. Но не стал его нервировать. И лишь немного съязвил: «Сим-сим, открой дверь?» Иван усмехнулся и пояснил: маньяки склонны к феишам, внешним эффектам, знаменательным вехам своей звёздной судьбы. На электронном замке код был: «KLAD4487122».

Я плохо помнил детали дела. Иван пояснил: это содержание записки, отправленной по почте Фабриканту. Это — символ, это — начало великого блиц-крига.

Я вдруг заметил, что Иван с трудом сдерживает смех. Сказал «а», говори и «я», словом, колись до конца, высказал я бескомпромиссное пожелание. Иван не сопротивлялся и разбавил мрачную историю забавным эпизодом. Код, к моему удивлению совпал, сказал Иван. Но выяснилось это позже. Тролль, он сдружился с дьяволом и решил, что все земные пакости ему по плечу... Только с головой он напрочь раздружился. Решив, что столько мудрёный код — надёжный защитник его богатств, хранившихся в сейфе, он не подумал об одной весьма и весьма существенной детали. Иван замолчал, многозначительно на меня посмотрел и был близок к тому, чтобы откровенно рассмеяться. Я ждал и прокручивал в голове бесконечные варианты возвращения законному владельцу украденных средств. Ничего более-менее удобоваримого я подобрать не мог.

— Ладно, не мучайся! — сказал Иван. — Я предпринял беспрецедентный креативный шаг. Дело в том, что сейф был... небольшой и... не тяжёлый... Об этом наш гений-злодей как-то не подумал.

Я еле сдержал ответный смех и подумал, что народная мудрость «и на старуху бывает проруха» была актуальной во все времена.

— А все эти письма, могилы, благодарности? — спросил я.

Это — фон, пояснил Иван. Все могилы, покойники и смерти реальны. И если бы Виктор обратился в органы регистрации, ему бы факты смертей подтвердили. Именно факты. Если бы он копнул дальше, то выяснилось бы, что они умерли естественной смертью. Признаюсь, подчеркнул Иван, я с трудом представляю, как Виктор Фабрикант, совершенно выбитый из жизненной колеи, проводил бы такого рода расследования. Могу лишь сказать: злоумышленник действовал основательно.

А вот свидетельства о смерти были подделаны. В техническом отношении — неплохо, сделать это с помощью современной техники не сложно. Что касается содержания документов, то здесь не обошлось без ошибок — как грамматических, так и, что важнее, профессиональных. Взять хотя бы самую простую небрежность — в документах фигурировали фамилия и инициалы, полного имени отчества не было. Именно тогда был сделан предварительный вывод: злодей — не юрист, не филолог и не врач. Это было кое-что, но этого, конечно, было мало.

Заметить этих дефектов Виктор, естественно, не мог. До него необходимо было довести, что люди убиты. Этой цели злоумышленник достиг. Когда выяснилось, с подачи Ивана, что покойники умерли естественной смертью, Виктор Фабрикант сразу двумя ногами ступил в реальный мир и даже начал проявлять недюжинные бойцовские качества. Мистика ушла, на смену ей пришла борьба за выживание. И потому решили взять тролля на живца. Виктор не сдавался и он, этот тролль, должен был форсировать события и добить его. Предположение оказалось верным, но закончилось так, как закончилось — на ночном загородном шоссе.

«Это был восьмой, и надеюсь, последний случай», — сказал Иван. И быстро добавил: «Последний случай — по этой причине...» Голова у меня уже шла кругом, я промолчал и задал вопрос, насколько у меня получилось, глазами.

А причина — не проста, как и вся эта история. При скорости 120-140 километров час рекламные щиты вдоль дороги «вытягиваются» в сплошную пульсирующую линию. Частота пульсации крайне негативно действует на человека. Плюс — темнота, отсутствие попутчиков, некоторый сенсорный голод.... Кто-то, слушающий музыку или новости, вообще не ощущал действия этой полосы. Кто-то, болтающий с пассажирами, возможно, что-то и чувствовал, но относил это к временному дискомфорту. Скорее всего, сыграли свою роль и индивидуальные психо-физические характеристики водителей. Словом, при определённом стечении факторов, человека впадал в паралич, затем наступали конвульсии. Один из водителей за мгновение до припадка говорил по мобильному телефону. Почувствовал неладное он посмотрел в зеркало, увидел свою до дикости перекошенное лицо и издал несколько далеко не радостных восклицаний... Именно они были приняты за разговор, который он якобы вёл на повышенных тонах с попутчиком. Это здорово подпортило расследование сыщикам.

Иван устало замолчал и, сделав значительную паузу, сказал: «Тех щитов больше нет» — генералу пришлось серьёзно повоевать, ибо торгаши — мафия серьёзная. «Какого генерала?» — спросил я. «Того самого, что был на дороге после шестой аварии. Я ещё тогда подумал: здесь дело нечисто, — ответил Иван и добавил после паузы: — И вышел с ним на контакт. Интересный генерал, доложу тебе, есть у меня предчувствие, что моё общение с ним получит интересное продолжение...» Иван помолчал, тяжело вздохнул: «Вот такие случаются в жизни кризисы...» Я кивнул, соглашаясь.

26

Эпилог

Иван опять освободился, вспомнил обо мне, прилетел на дружеских крыльях ко мне домой и... действительно напомнил об архиве. Я по-солдатски отчитался о проделанной работе и даже ознакомил с её результатами. Иван выслушал меня, небрежно посмотрел распечатки. Он живо отреагировал на мои достижения на этот поприще. Много говорил о Средиземном море, крымском побережье, разных сферах обитания, к чему-то приплёл гофрированную акулу, затем вспомнил, что король сельдей имеет странную привычку перемещаться в воде вертикально, и именно этим объясняется «доска» или «бревно», увиденное мальчиком под водой, подчеркнул, что читателю это надо непременно объяснить... Меня такой педантичный подход не вдохновил и пришлось проявить характер. Я сказал: «История закончена и сдана в архив!» Иван успокоился, не стал спорить, согласился.

А вот современная история, которую я своим командирским решением сделал составной частью «архива», получила продолжение.

Глеб оперативно издал книгу — солидную, хорошего качества. Она была оформлена прекрасными иллюстрациями — Машка отвела душу. Продажам сопутствовала мощная рекламная компания, и потому первый тираж расхodziлся быстро. Появились предложения о сотрудничестве. Но у Глеба уже был издатель — Виктор Фабрикант.

Нескучное лето заканчивалось, и я при очередной встрече с Иваном поставил вопрос ребром: мы едем на Байкал или нет? Я был готов к дискуссии: мол, уже поздно, холодно, вот если Кавказ, Крым, Карпаты и так далее. Но Иван нарушил мои планы, ответив: «А я не знаю, что ты те-лишься — я уже готов и даже билеты взял...». Это был удар под дых. Хотелось показать себя настоящим последовательным мужиком, и такой облом. Но я быстро «восстановил дыхание» и бросился собираться.

Прозвенел звонок. «Я жду внизу», — сообщил Иван. Меня долго уговаривать не надо, только и подумал я, и тут же с немалым трудом за один раз ухватил все свои туристические пожитки и спустился на лифте. Возле дома стояла машина, Иван открыл багажник. Когда я впихивал туда своё драгоценное снаряжение, то обратил внимание, что Иван подготовился настолько основательно, что места для него осталось мало. «Барахольщик!» — сказал я. Он стойко промолчал. Всё, наконец уложено. Иван сел на водительское место, я уселся рядом. На заднем сиденье кто-то заёрзал. Оглянулся — там восседали с весьма довольными и даже хитрыми физиономиями Машка и Глеб. Я поздоровался, они ответили. И переглянулись так, что я сразу понял: что-то важное я всё же упустил.